

Юлия Зонис
Александр Шакилов

Культурный герой

ПРЕДСТАВЛЯЕТ
Макс Фрай

Александр Шакилов
Юлия Зонис
Культурный герой

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2670935

Культурный герой // Юлия Зонис, Александр Шакилов: Амфора; М.; 2009

ISBN 978-5-367-01127-2

Аннотация

Слово «постмодернизм» все знают, но мало кто употребляет по прямому назначению. И если написать, что роман «Культурный герой» – блестящий образец постмодернистской прозы, потенциальные читатели испугаются, побледнеют и убегут на край света.

Поэтому придется вычеркнуть страшное слово «постмодернизм» и сказать, что эта книга сродни баррикаде, которую построили дети, забравшиеся поиграть в сокровищницу мировой культуры и устроившие там не то потешный бой, не то настоящую революцию. Их первоначальные намерения не имеют значения, потому что дело кончилось апокалипсисом, а значит, игра удалась на славу.

Содержание

Пролог	4
РЫБА В СТЕКЛЯННОМ ШАРЕ	10
СТАРЛЕЙ И СТЕНА	21
КИЛЬКА В ТОМАТЕ	32
КАРТОФЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ	39
AGNUS DEI	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юлия Зонис, Александр Шакилов

Культурный герой

*Доблестным воинам ВКС:
Майку Гелприну,
Игорю Крамаренко,
Вадиму Турецкому
и Владимиру Данихнову.
Тем, кто разрушил Стену,
от павших в борьбе товарищей.*

*Это коллаж – обломок поперх обреза
На старой доске в золоченой раме.
Размажут тебя по стенке, и получится фреска.
Патруль с овчаркой стоит на границе между мирами.*

Борис Херсонский

Последний, пятый век и род людской – железный. Он продолжается и теперь на Земле. Ночью и днем, не переставая, губят людей печали и изнурительный труд. Боги посылают людям тяжкие заботы. Правда, к злу примешивают боги и добро, но все же зла больше, оно царит всюду. Не чтут дети родителей; друг не верен другу; гость не находит гостеприимства; нет любви между братьями. Не соблюдают люди данной клятвы, не ценят правды и добра. Друг у друга разрушают города. Всюду властвует насилие. Ценятся лишь гордость да сила. Богини Совесть и Правосудие покинули людей. В своих белых одеждах взлетели они на высокий Олимп к бессмертным богам, а людям остались только тяжкие беды, и нет у них защиты от зла.

Н. Кун. Легенды и мифы Древней Греции

Пролог

ТАМ, НА ГОРЕ

*Жизнь подносила огромные дули с наваром.
Вот ты доехал до Ultima Thule со своим самоваром.*

Лев Лосев

– История закончится, когда похоронят Онтихреста, – говорил Кир. – Когда Онтихрест сохнет от скуки и ожирения сердца и его тело протащат и швырнут в ров или закопают в какой-нибудь траншее. Допускаю даже, что Онтихрест удостоится традиционной процессии, с плакальщицами и кадящим попом. И его зароят на кладбище, и колокола будут петь сладко и малиново.

Кир запустил камешек в воду. Утонуть в этой маслянисто-черной, тяжелой воде камень не смог и улегся рядом с брошенными прежде. Камешки падали один за другим и складывались в слово, и слово это было...

В городе властвовали дети и лисы. Лисы охотились на тушканчиков. Дети тоже охотились на тушканчиков, хотя и с более сложными целями. Свистнув к ноге Анжелу, Кир вышел

на площадь перед мэрией. Анжела подбежала неохотно, будто предчувствовала сметливым собачьим разумом, что ей предстоит увидеть.

Дети на площади вершили суд правый, но скорый. Двое пацанов постарше, видно братья, велеречиво именовали друг друга Марко и Поло. С ними была еще мелкая шушера и даже две девчонки-подростка. На мгновение Кир испугался, что увидит здесь и Ирку, хотя и было это совершенно невозможно.

Малышня привязала тушканчика к столбу. Девчонка помладше аккуратно раскладывала вокруг зверька вязанки хвороста. Старшая облизывала ядовито-розовый леденец и прислушивалась к приговору.

– Мы судим этого тушканчика за клятвопреступление, – вещал Марко (хотя, возможно, и Поло), поминутно втягивая в нос сопли.

– Нет, – поправил его брат, – за ворожбу и клятвопреступление. И мерзкое ведьмовство.

– И приговариваем его к смерти...

– В очистительном огне...

– Как и велит закон...

– Закон такого не велит.

– Но предполагает.

– Намекает.

– Да какая разница! – возмущенно фыркнула девочка с леденцом. – И вообще, чего вы возитесь. Давайте уже поджигать, а то он выпутается. Зажигалка у кого?

Кир пересек площадь – Анжела трусливо жалась к его ногам, – встал за спиной у инквизиторов и поинтересовался медовым голосом:

– А что это вы тут делаете, маленькие негодяи?

Поло с Марко крутанулись на месте и недружелюбно уставились на Кира.

– Шел бы ты, дяденька.

– Куда?

Девчонка с леденцом тянула одного из близнецов за рукав:

– Пойдем. Ну пойдем, а? Дался тебе этот тушкан.

– А чего он лезет?

– Ну пойдем, другого себе поймаем.

Марко демонстративно сплюнул под ноги Киру, сунул руки в карманы и отошел вразалочку. За ним последовали остальные. Поло, обернувшись, еще успел показать Киру из-за братниной спины кулак.

Кир нагнулся к столбу и распутал веревку. Тушкан глядел на него огромными печальными глазами, густо-карими, в длинных загнутых ресницах. Что-то очень знакомое было в тушканьем взгляде, и Кир неуверенно спросил:

– Вовка? Ты, что ли?

Тушканчик не ответил – только махнул хвостом с забавной кисточкой на конце и ускакал в переулочек. Кир подумал немного и пошел за зверьком.

В конце переулочка стоял опутанный плетьюми дикого винограда особняк. Уже наступила осень, и виноградные листья окрасились во все оттенки алого. Домишко был сказочно красив. Кир пихнул ногой скрипнувшую калитку и по садовой дорожке, усыпанной желтыми кленовыми пятернями, прошагал к дому. У оконца полуподвала он остановился и стукнул ногой в стекло. Никто не отозвался. Кир наклонился и гнусаво взвыл:

– О трижды романтический мастер, пустишь ты меня в свое жилище или нет, каналья эдакая?

Минуту-другую в подвале молчали, а потом из-за стекла приглушенно донеслось:

– Кирка, это ты буянишь? Давай заходи. Не заперто.

Кир прошел к незаметной лесенке и, спустившись на пару ступенек, распахнул зеленую дверцу.

В комнате, небольшой и уютной, горел камин. На стене висел здоровенный театральный постер, где черным по акриловой зелени значилось: «Варьете закрыто, артисты разбежались, за ключами обращаться к Варенухе». У камина сидел Джентльмен и чинил примус. Кир велел Анжеле лежать, сам опустил в кресло, вытянул длинные ноги к огню и только после этого поинтересовался:

– Ну, что поделываешь?

– Да вот, как видишь, всё примусы починяю.

Голос у Джентльмена был глуховатый и малость дребезжащий – похоже, уже успел нализаться с утра. Паяльник в его руке давно остыл, и олово смерзлось на кончике серебряной каплей.

Кир покачал головой.

– Не понимаю я тебя. Что за дурацкая работа? Ты же бог. На худой конец – культурный герой. Чего ты заперся в подвале со своими примусами?

Примусов и вправду было много. Примусы загромождали комнату, теснились на столе, спихивали друг друга с каминной полки. На подоконнике и в коридоре тоже ровными рядами стояли примусы.

Джентльмен почесал в затылке паяльником.

– Не те времена, Кирочка. Времена не те. Детям не нужны боги. Им нужны жертвы.

– А кому нужны примусы?

На это Джентльмен не нашелся что ответить и быстро переменял тему:

– Как Ирка?

– Ничего. Бывало и хуже.

– Все рисует? Аmaterствует, так сказать?

– Рисует. Церковь нашла какую-то заброшенную на кладбище, и в голову ей втемяшилось эту церковь фресками расписать. Уже четвертую неделю там пропадает.

– На кладбище, говоришь?

– Ага.

– Это на старом городском-то кладбище, откуда упыри лезли?

– Теперь уже не лезут. Вылезли все, видать.

– Это я знаю. А все же на твоём месте я бы её туда одну не отпускал.

– Почему?

– Там марко-половская шайка штаб-квартиру устроила. Нечего Ирке там одной делать.

И как только Джентльмен это сказал, Кира кольнуло в сердце недоброе предчувствие. Свистнув Анжеле и даже забыв попрощаться, он поспешил вон из подвала.

Ирка стояла на строительных лесах, оставшихся бог весть с каких времен. Когда-то церковь, похоже, собирались реставрировать и даже вот леса уже возвели, но потом все сошло на нет. Сейчас леса оченьгодились. Ирка только успела нанести слой свежей известки. Писать следовало немедленно. Если бы секрет Леонардо не был утрачен, думала Ирка, то можно было бы и не спешить. Можно было бы спуститься, выйти из-под гулкого свода, присесть на заросший травой кирпичный порожек и выкурить сигарету. Или даже две. А может, и не было никакого секрета у Леонардо, а он просто прикидывался, и все, что осталось, – лишь осыпавшееся лицо Христа и двенадцати апостолов мертвые лица. И нельзя писать по сухой штукатурке.

Сама Ирка писала ангела. Ей хотелось, чтобы у ангела было лицо Веньки, но тело у него определенно получалось Киркино, с большими белыми крыльями. Значит, и лицо ну никак не могло выйти Венькино, и Ирку это огорчало. Ангел с лицом Кира – это уже и

не ангел вовсе получается, а бог ведь что, в церкви определенно ненужное. Но править было поздно. Ирка вывела прямой, тонкий нос Кира (а надо было Венькин, картошкой) – и тут внизу загомонило, заулюлюкало. Камень стукнулся о ведро с краской. Второй камень перевернул ведро, и оно загремело вниз. В воздухе пахнуло грозовой лазурью.

Когда Кир прибежал на кладбище, все уже было кончено. Близнецы, девочка с леденцом и еще два десятка детей стояли над свежей могилой. Это была единственная свежая могила на всем кладбище, если не считать разрытых упырями. Но те могилы были пустыми, а эта, похоже, нет.

- Во имя Отца, – тянул Поло.
- И Матери! – капризно встряла девчонка, с хрустом откусывая от леденца.
- И Сына.
- И Святого Духа.
- И Раба Его.
- И Вещего Енота.
- И Шоколадки эМ-энд-эМс.
- И Того, Кто Приходит в Полночь.
- И Того, Кто Живет за Шкафом.
- И Филина.
- И Свиньи.
- И Змея.
- И Черта Лысого.
- И Виталия Кузьмича и Игнатъевны Марфы.
- И Всего Святого.
- Аминь.
- Аминь.
- А...

Третий аминь так и не успел прозвучать, потому что Анжела зарычала и с лаем кинулась на толпу. Получила пинок, завизжав, покатилась.

– Ах, ты!..

Поло обернулся и заорал:

– Ребята, ахтунг! Это опять он.

И, подумав, добавил:

– Один. А нас много. Много ведь нас, а? У-у, – и радостно улыбнулся.

Кир понял, что на сей раз точно придется драться, и засучил рукава.

Первую волну нападающих он отбил легко, хотя кто-то успел чувствительно огреть его по ребрам велосипедной цепью. Детские тела оказались совсем не тяжелыми, и инерции у них не было почти никакой. О Кира они разбивались, как о скалу. Проблема в том, что их действительно было много и отступать они не собирались. Падали, утирали кровь и сопли и снова лезли вперед. Кир быстро содрал кулаки. Детишки поменяли тактику. Сообразив, что с налета им Кира не взять, трое или четверо вцепились ему в ноги и так и волочились за ним, пока Кир не споткнулся о лопату и не загремел на землю. Подняться он уже не смог. С десяток детей навалились сверху. Они пахли невоюнчим потом, они щипались, они кусались мелкими зубками, пыхтели, возились, норовили выдавить пальцами глаза. Все это было бы даже забавно, если бы внизу, в неглубокой могиле, под слоем рыхлого чернозема, не задыхалась Ирка. Кир отчаянно рванулся, но только увяз еще пуще, как в болоте.

– Мочите его, мочите! По яйцам его! – орал из-за спин нападающих Марко (а может, и Поло). Голос у него был уже подростковый, ломкий.

Неожиданно атака увяла. Кто-то наверху кучи запищал, кто-то вскрикнул остро и тонко. По лицу Кира мазнуло пушистым, и дышать стало легче. И еще легче. Совсем легко. Он стряхнул последних детишек и встал на четвереньки.

Кладбище кишело тушканчиками. Серые и песочно-желтые зверьки были везде – на надгробиях, на могилах, и просто прыгали по траве. Они кидались на детей и молотили их задними лапками или – что действовало намного эффективней – вцеплялись им в ляжки острыми резцами.

– Атас! – согласно завопили близнецы. – Это колдун! Они в сговоре! Сматываемся, ребя!

В сумерках прошуршало, протопало босыми пятками, и кладбище опустело. Остался только отплеывающийся от набившихся в рот волос Кир, скулящая Анжела и тушканчики. Анжела очнулась первой. Встряхнувшись, собака подбежала к могиле и принялась рыть. Тушканчики помогали, гребли согласно и быстро – только летела из-под лапок земля. Кир рванулся к могиле, упал на колени и тоже принялся копать. Спустя минуту костяшки его пальцев стукнули о крышку гроба. Он заработал еще быстрее. Показались гнилые доски. Кир поднатужился, поддел крышку пальцами и рванул на себя. Во все стороны прыснули ржавые гвозди. Ирка, лежащая в гробу, была спокойной, бледной и очень красивой. И мертвой.

– Козел ты сраный! – орал Кир. – Чмо непригодное! Ну хоть что-то ты должен уметь?! Джентльмен вздохнул и почесал надо лбом, где волосы все решительней проигрывали бой лысине.

– А что я могу? Я могу примусы. Она что, примус?

Ради такого случая Джентльмен даже выбрался из своего подвала. Правда, один примус все-таки с собой захватил. Сейчас примус сиротливо валялся на песке, и из него тонкой струйкой вытекал керосин.

Кир перенес Ирку на пляж. Кладбище темнело позади, а впереди на берег набегали мелкие волночки. Шурх, говорили волночки, и снова – шурх. Волночки пахли керосином.

– Обычно мертвую принцессу будят поцелуем. Ты целовать ее уже пробовал? – деловито спросил Джентльмен.

– А пользы? Целовать должен истинно любящий. Я что, по-вашему, истинно любящий? Джентльмен покачал головой.

– Ты не похож на истинно любящего, Кир. И все же... Ну хочешь, я попробую.

– Ты куда своими вонючими губищами тянешься?!

Ирка, бледная и спокойная, лежала на коленях у Кира. Казалось, она прислушивается к перебранке. Глаза у нее были открыты и не мигая смотрели в затянутое тучами небо.

– И что ты за человек, Кир? – ворчал Джентльмен. – Сам не ам и другому не дам?

По колену Кира просеменили маленькие лапки. Тушканчик с большими карими глазами устроился на груди Ирки.

– Кыш, животное.

Тушканчик не уходил. Сложив на груди крохотные, будто детские ручки, он смотрел на Ирку. Потом стрекотнул призывно, и другие тушканчики вылупились из песка, как икра из тысяч икринок. Они проскакали по пляжу, окружили Ирку, прижались, отогревая ее теплым серо-желтым одеялом. Первый тушканчик неожиданно нагнулся, нырнул к Иркиным губам, и...

– Кир, смотри!

Ирка вздохнула. Ресницы ее затрепетали. Медленно, медленно губы ее приоткрылись...

– Кир!

Ирка забила на песке, словно пойманная рыба, – тушканчики так и порскнули врассыпную. Сам неоднократно возвращавшийся из долины теней, Кир ее сейчас очень хорошо понимал. Как с болью входит жизнь в окоченевшие мускулы, как выворачивается желудок, как к горлу подступает едкая желчь. Ирка перекатилась на живот, и ее вырвало. Быстро утерев рот ладонью и уворачиваясь от рук Кира, она забормотала:

– Кирка, Кирка, я видела Веньку. В хрустальном дворце на вершине Самой Высокой Горы, и сам он хрустальный, а сердце его из желтого камня. Но в глубине сердца зреет розовый бутон. Если роза распустится, рассыплется хрусталь и Венька оживет, и все будет хорошо.

Кир устало вытер мокрый от пота лоб. Только сейчас он осознал, что уже стемнело и с моря несет ледяным ветром. Он накинул на дрожащие Иркины плечи свою куртку.

– Успокойся, Ир. Тебе померещилось. Это от стресса и недостатка кислорода.

Ирка жалобно всхлипнула:

– Но я же и вправду видела.

Кареглазый тушканчик рыл в песке нору. Волны набегали на берег. Причитал над примусом Джентльмен, и высоко в небе загорались первые, холодные и острые звезды.

РЫБА В СТЕКЛЯННОМ ШАРЕ **(Глава первая из неопубликованного** **романа М. Э. Белецкого** **«Падение Вавилона»)**

*Сорок тысяч лет в гостях у сказки.
Звезды подарили мне на счастье
силу океана, сердце мертвеца...*
«Агата Кристи»

В один из тех жарких летних вечеров, которые по сути своей холодные зимние вечера, поскольку других вечеров в Арктике не бывает... так вот, Игрек сидел на льдине и смотрел на приближающуюся Медузу Горгону. Медуза наплывала из-под льда медленно, но неизбежно, волосы ее, словно наэлектризованные, шевелились, а губы раскрывались в предвкушении поцелуя. Когда-то, на черноморском побережье, Игрек сравнил бы эти губы с ломтиками грейпфрута, набухшими пурпурным соком. Теперь бы он сравнил их с кое-чем другим, но охота сравнивать отпала. Огромные, широко распахнутые глаза Медузы отражали полярное сияние, и небо, и космос, и летучие корабли – а в сущности, не отражали ничего, кроме черной глубины Медузьего сердца. Игрек с трудом оторвал взгляд от этих манящих глаз и пробормотал: «Помогите».

Все началось давно. Все вообще началось давно, но история Игрека началась в те времена, когда его еще звали Очкариком, а жаркие летние вечера пахли печеной в золе картошкой и сигаретными бычками. Проблема Игрека, тогдашнего Очкарика, была в том, что он любил Ирку. А Ирка его не любила. Терпеть не могла. Она обожала нелепо-добродушного Веньку и по-дружески махала рукой быковатому Вовану, а на Игрека и смотреть не желала. А на что смотреть? Малорослый, бледный, кучерявый, как молодой барашек, и хилый, как первый грядохный огурец. Вдобавок он совсем не загорал, а на юге одно это приравнивалось к преступлению. Белая городская немочь. Только нос его, огромный еврейский носяра, покрывался выпуклыми как бы даже на ощупь веснушками. А он Ирку любил. Не за сиськи и жопу, хотя сиськи и жопа у нее тоже были о-го-го. А за то, что она была совсем не похожа на других девчонок. Во-первых, у нее были длинные светлые волосы и глаза, менявшие цвет от времени суток, от настроения и даже от легкого побережного сквозняка. Во-вторых, она рисовала, и очень хорошо. Как-то она нарисовала Игрека – огромную носатую и очкастую рыбку в круглом аквариуме. Игрек на рисунке прижимался к стеклу губами и что-то пытался сказать, но выходили одни пузыри. Одного этого портрета было бы достаточно, чтобы нормальный пацан возненавидел Ирку. Но Игрек не был нормальным пацаном, а был поганим ботаником и Ирку не возненавидел, а полюбил еще сильнее – будто и вправду разглядела она в нем что-то и изобразила на картинке. А еще он здорово испугался. Потому что если Ирка сумела разглядеть в нем рыбу в стеклянном шаре, то уж и влюбленного кретина разглядит точно, а вот это совсем никуда не годится. И он решил спрятать влюбленного кретина подальше. Он издевался над Ирой. Обстебывал ее рисунки, ее зеленый с розовым купальник, ее красивую грудь и даже ее глаза. А обстебывать он умел отлично – пришлось научиться, какое еще оружие у хилыка против больших, злых и наглых? Он смог бы обстебать даже себя, а на это не всякий способен. И конечно, он обстебал влюбленного кретина, и влюбленный кретин спрятался – присел на корточки, закрыл лицо руками и захныкал, как

полагается слабакам. А Ирка возненавидела Игрека еще больше. Может, она все же успела разглядеть влюбленного кретина и теперь жалела его?

– Какой, к черту, змий. Это же Медуза, не видно, что ли? Натуральнейшая Медуза Горгонер.

Медуза приближалась к нему, равномерно пульсируя всем телом, и в глубине Медузы тоже пульсировало что-то, наверное, сердце.

Отплывая от берега, Игрек думал: а вот я утону. Возьму и утоплю влюбленного кретина, пусть сдохнет, гадина, и больше меня не мучает. Ветер все еще носил по песку обрывки рисунка, ветер не хотел покрывать песком рассыпанные тюбики с красками, будто это был не пляж, а стерильная каменная пустыня, следы в которой сохраняются тысячелетиями. Следы преступления. Улики. Убил пещерный человек соплеменника, и он лежит сто эонов, мумифицируется, пока его не выкопает какой-нибудь козий пастух. А потом набегут антропологи и с почестями доставят мумию в музей, и нарекут Калифорнийским Человеком, и будут еще тысячу лет решать, замерз ли он холодной доисторической ночью, или его растоптал бешеный мамонт, или настигла стрела лучшего друга.

Игрек рассекал воду неумелыми саженками. Вода была теплая, парная, как утреннее свежее молоко. Бук плеснул слева и остался позади. Игрек плыл и думал о Снежной Королеве. Вот она поцеловала Кая, дурачка прилипчивого, и он больше ни о чем не думал и ничего не чувствовал. Хочу быть Каем, думал Игрек. Хочу не чувствовать ничего, а особенно этой противной боли в груди каждый раз, когда слышу Иркин смех и когда вижу, как она, смеющаяся, глядит – не на меня. Игреку было всего двенадцать, и он еще не знал тогда, что все желания сбываются – раньше или позже, так или иначе. Он просто сплюнул соленую воду и развернулся к берегу, потому что тонуть передумал. Тонут в холодной зимней воде, а в этой, теплой, даже на ощупь бархатной, тонуть глупо. Только влюбленные слабаки, совсем ополоумевшие от своей дурацкой любви, тонут в летней черноморской воде – а Игрек слабаком не был.

Медуза поднялась из таких глубин, на каких, наверное, ходят только сказочные кракены и слепые безумные скаты. Она была древней тварью, но подчинялась зову луны и приказу человека, как и тысячи ее сестер. Раскрыв пухлые губы, она подплыла к худенькому мальчишке и, заглянув в его глаза, поцеловала его. Нет ничего сладожней и ужасней поцелуя Медузы. Даже от взгляда ее каменеют, а прикосновение обжигающих губ и вовсе способны пережить немногие. Вот и Игрек захлебнулся, задохнулся огнем и солью, и последнее, что он почувствовал, – как сердце, отчаянно стукнув два раза, остановилось и камнем ухнуло вниз, на морское черное дно.

В госпитале Ирка его навестила. Она присела на край койки и, отводя глаза, начала длинно и путано извиняться за что-то. Можно подумать, это она натравила на него бродячее кишечнополостное, а не сам Игрек призвал тварь из глубины. Игрек послушал-послушал и отвернулся к стенке. Каменное после поцелуя Медузы сердце молчало. Он не чувствовал НИ-ЧЕ-ГО.

Тогда же, лежа в насквозь просвеченном солнцем, пустом и гулком стационаре, Игрек понял, что всему виной дискретность. Люди не понимают друг друга, потому что дискретны. Один человек отделен друг от друга вакуумом, как планеты и звезды в космосе. Если два дома стоят вплотную друг к другу, думал Игрек, строители специально оставляют между ними воздушную щель. Соседи не хотят слышать, что делается у соседей. Звуки рассеиваются в воздухе, и никто ничего не слышит. И все довольны. Но почему люди дискретны? – продолжал рассуждать Игрек. Наверное, потому, что мы живем в дискретном мире. Электрон – не только волна, но и частица. Все состоит из частиц, и все частицы – сами по себе. Потом, возьмем зрение – тысячи колбочек и палочек, рассеянных по сетчатке, каждая передает лишь маленькую часть картины – и где гарантия, что половина не теряется? Значит, и

зрение дискретно. Даже время дискретно, часы делятся на минуты и секунды, и в каждой секунде – что-то свое, и ни одна не сливается с другой, и ни одной нет до другой дела. Игрек лежал на спине (лежать на боку, до которого дотронулись щупальца Медузы, было больно) и наблюдал дискретность Вселенной. Он видел мельтешение миллионов пылинок под потолком. Видел, как ровной струйкой песка бегут секунды, одна за другой. Видел лицо наклонившейся над ним нянечки, состоящее из тысяч морщин, клеток, пятен и пор. Видел, как от далекого солнца отделяется стайка фотонов и летит – все вместе, но и каждый сам по себе, – чтобы закончить путь на покрытом вздувшейся краской подоконнике. Он видел и знал все. Такого свойства Медузьего яда. Он превращает твое сердце в камень и искажает зрение – или просто делает его более четким?

В пятницу приехал отец и забрал Игрека из лагеря. Садясь в желтую с черными шашечками «Волгу», Игрек оглянулся через плечо. Над больничным корпусом дрожали зной, и в зное дрожали листья акации, и морем набухал горизонт. Таким Игрек и запомнил это лето – запомнил, чтобы никогда не вспоминать. Осенью он пошел в новую школу, где никто не знал, что в старой его звали Очкариком, – и с первого же дня стал Игреком. Ему нравился этот знак, похожий то ли на перевернутого с ног на голову человечка, то ли на дорожную развилку или даже на веточку, которой находят святые места, зарытые клады и точки электромагнитных аномалий. Это был его знак. В новой школе мало думали о том, как бы отпинать после уроков хилого одноклассника, и много – о том, в какой университет и на какой факультет поступать. Большинство метило в МГИМО, но Игрек долго выбирал между биофаком и мехматом. Оба должны были дать подходящую базу для борьбы с дискретностью. Наконец, решив показать кукиш прерывности Вселенной с первых же своих взрослых шагов, Игрек сдал экзамены и прошел на оба факультета сразу. Уже через год, подготавливая материалы к докладу по нейробиологии (на биологическом Игрек выбрал именно эту кафедру), он знал, в каком направлении следует двигаться. И начал двигаться туда с каменным упорством человека, отмеченного Медузой.

– Кир!

Максик храпел под столом. Со стенки, с отклеивающегося плаката косился ариец восточнославянского происхождения. Другой ариец восточнославянского происхождения натягивал в соседней комнате брюки. Кир лениво перекинул ногу на ногу, повел рукой с зажатой в ней бутылкой «будвайзера» так изящно, будто не пивная бутылка это была, а бокал с мартини, и протянул:

– Ну и с чего ты взял, что я на них работаю?

– Кир, не парь мне мозги, – устало сказал Игрек, отодвигая от себя лэптоп. – Ты, конечно, можешь прикидываться этаким баловнем судьбы, наследничком-миллионщиком. Парти бист. Но я-то знаю, милый, что мать у тебя швея-мотористка на фабрике «Красный компост», а папаня – алкаш. Не их денежки ты на вечеринках прогуливаешь.

Кир должен был бы по законам жанра смутиться, однако не смутился. Только взгляд его поверх бутылки стал более внимательным.

– Ну, допустим. Допустим, я есть тот, кто я не есть. И что же ты от меня хочешь?

– От тебя – ровно ничего. Точнее, хочу, чтобы ты показал эти материалы, – Игрек помазал флешкой, – своему начальству. Как его бишь там? Господин полковник госбезопасности?

– Его превосходительство ротмистр Чача. А почему это должно мое... хммм... предполагаемое начальство заинтересовать?

Игрек вздохнул и нехотя кликнул мышкой, открывая файл. Придвинул лэптоп, так чтобы Киру был виден экран. Кир всмотрелся. Потом еще всмотрелся. Потом отставил бутылку и всмотрелся совсем уж внимательно – будто и впрямь что-то понимал, хотя сыну

мотошвей и не полагалось. Но, видимо, понял (а точно ли сын мотошвей?), потому что закрыл файл и протянул Игреку руку ладонью вверх.

– Давай свою флешку.

Игрек торопливо вложил флешку в ждущую ладонь, и пластиковый прямоугольник мгновенно исчез, будто его и не было. Фокусник, блин. Там их, что ли, учат фокусам?

– Допустим, – почти пропел Кир, – допустим, господин ротмистр скажет «добро». Что мы тебе такое можем дать, чего нет в вашем задрищенском институте?

– Деньги. Деньги в первую очередь. Оборудование.

Игрек был деловит и четок, он готовился к этой беседе уже больше месяца.

– Парочку хороших программистов, конечно. Биологов я приведу. Ну и... материал для опытов. На енотах и крысах я уже подтвердил, обезьян мне не дали. А я бы сразу перешел к непосредственному объекту эксперимента...

Кир улыбался, зараза.

– Вот за что я вас, ученых, люблю. Святейшие люди, измеряют содержание солей натрия в слезинке ребенка для счастья всего человечества. А понадобится вам для Нобелевки мать родную, как лягушку, распластать – распластаете, не поморщитесь.

Игрек пожал плечами. К таким разговорам он привык. Еще когда директор института, Синицын Пал Палыч, тишайшей воды человек, орал на него, багровея и брызгая слюной, – уже тогда Игрек знал, что придется вытерпеть и этот издевательский тон, и эту улыбку. Ничего. Он вытерпит. Главное в другом.

– Да, мне нужны люди для опытов.

Улыбка Кира стала кривой.

– Ценю. Прямоту – ценю.

В комнату, чертыхаясь, ввалился Васька Старлей. В руках у него была новая упаковка пива, а в глазах – вечная пубертатная тоска.

– Последнее, – простонал он, грохая пиво на стол.

Максик отозвался с пола жалобным всхлипом, и заорал за стенкой, у соседей, патефон.

– «Рио-рита», – злобно сказал Старлей. – Хуй ебаный, а не «Рио-рита».

Пластинка скрежетнула, и вправду зазвучало что-то про ебаный хуй.

В отличие от своего эмиссара, его превосходительство ротмистр Чача производил впечатление редкостного тупицы. Почему-то Игреку никак не удавалась разглядеть его лицо. Над воротничком снежно-белой рубашки маячило нечто расплывчатое вроде пористого и жирного блина. Зато кисти рук у его превосходительства были выдающиеся, особенно костяшки пальцев. Мощные, поросшие черным волосом, а пальцы красные и мясистые. Как ни старался Игрек отвести глаза, а взгляд невольно притягивался к этим костяшкам, будто они таили некое смутное, но заманчивое обещание.

– Еще, – сказал его превосходительство, и Игрек, вздохнув, в пятый раз запустил файл.

На небольшом экране ноутбука высветился прозрачный аквариум с подопытными мышами. Крышку аквариума заменяло серое ухо излучателя. Палец экспериментатора (игрековский палец) нажимал на кнопку, включая прибор. Более тонкая, женская рука (лаборантка Эллочка, ох эти пластиковые кудри цвета несбывшейся надежды) в резиновой перчатке опускалась в аквариум. В руке была зажата иголка.левой рукой Эллочка прижимала одну из мышей, а правой сильно колола в основание хвоста. Мышь отчаянно всплискивала. И одновременно в унисон пищали и все остальные мыши. Игрек выключал излучатель, и на сей раз мучимая мышь пищала в одиночестве, пока остальные продолжали сновать по клетке. Палец на кнопке – пищат все мыши. Палец с кнопки – одна. И снова. И снова.

– Бедные мученицы науки, к вам обращаю я думы свои, – меланхолично сказал Кир. Он явно скучал.

– Цыть, – отрубил Чача. Сырой блин обратился к Игреку: – Все это впе-ча-тля-ю-ще. Ну а мы почему должны спонсировать ваши экс-пе-ри-мент[ы]?

– М[é]нты, – вяло поправил Кир.

– Цыть.

Две дырки в блине впились в лицо Игреку как бы укоризненно, и Игрек почувствовал, как втягивает его в себя непеченное тесто и сырая блинная муть.

– Господин полковник, представьте, что вы допрашиваете... подозреваемого. Террориста. А он молчит. Знаю, у вас есть способы... и все же они работают не всегда, особенно с этими смертниками, им-то уже все равно, жить или умирать...

– Э-э, батенька, не скажите, – оживился блин и весь даже залоснился от радости, что говорят о знакомом предмете, – им-то как раз хочется помереть, и красиво. А помереть мы им не даем. Живут, сцуки, и мертвым своим товарищам завидуют. Это мы и сами...

Игрек вздохнул.

– Суть не в пытках. Под разработанным мной излучением сознания объектов как бы сливаются. Все, что знает ваш террорист-смертник, будет знать и следователь...

– И наоборот, – тихо добавил Кир.

Игрек едва удержался от того, чтобы не швырнуть в приятеля пепельницей.

– Я разрабатываю сейчас излучатель с односторонним действием. Более того, у новой модели будет возможность подключаться к любым мобильным устройствам. Представьте: ваш оператор сможет контролировать какое угодно число объектов, не выходя из этой самой комнаты. Он скажет: «Прыгай», – и террорист сиганет в канализационный люк. Полное слияние и полный контроль. Но для опытов мне нужны деньги...

«Ничего, – думал Игрек, – ничего. Еще немного пошевелят своими блинными массами и заплатят. Они и знать не знают, ЧТО я на самом деле хочу сделать. А когда узнают – если успеют, конечно, – поздно будет. Позд-но».

И он улыбнулся.

В подводном дворце Медузы стены сложены из кораллов, а полы вымощены перламутром. В подводном дворце Медузы таинственно мерцают заплывающие в окна глубоководные удильщики, и в удочку каждого впился зубами премудрый морской карась и тоже светится розовато. В подводном дворце Медузы нитками жемчуга свисают со стен анемоны и холодно сияют сгустки азотфиксирующих бактерий. Все есть в подводном дворце Медузы, лишь нет самой Медузы и нет меня. По просторным залам разносится тихий детский плач. Это плачет девочка Ирочка. Она истоптала сотню водолазных железных башмаков и изгрызла сотню неводов, пробираясь к дворцу, – но не нашла здесь ничего, кроме света и тишины.

Блин за время долгого разговора успел высохнуть и потрескаться. Трещина – это, похоже, улыбка.

– Деньги мы вам дадим. Насчет остального... Кирка, у тебя вроде бы есть друзья среди наших радикалов?

– Это среди фашистюг, что ли? – лениво цедит Кир. Вытягивает длинные ноги и сам вытягивается, незаметно заполняя кабинет, как растущая к вечеру тень. Блин уже и со всеми своими мясными костяшками мельчает, съеживается, не блин – Колобок. Ам – и съест его хитрый лис Кирка. – Среди наших правых, горячих, молодых и слегка опрометчивых, но неизменно держащих верный курс товарищей? А как же, найдутся.

Блин трескается, уже недовольно.

– Шутишь, Кирка? Смотри, дошутишься. Но вот что, – он обращается уже к Игреку, – никаких эков мы вам, конечно, не дадим. Но если несколько хачей – я имею в виду гостей столицы родом с солнечного Кавказа, лишенных регистрации и прописки, – случайно захо-

тят зайти к вам в лабораторию на огонек? Их ведь и так порежут, а тут польза. Всякий человек рожден, чтобы пользу приносить, верно, Кирка?

– Железно.

За полосками жалюзи сгущаются сумерки и загораются огни проспекта. Бом-бом – гудят часы на башне, отсчитывая дискретное время. Не вечно им отсчитывать. Бом-бом.

Представим лагуну, дно которой поросло актиниями. Их широко раскрытые лепестки напоминают язычки пламени или чашечки цветов, хотя по сути своей – жадная пасть осьминога. Лагуна спит, вода в ней прозрачна, голубоватые солнечные лучи покачиваются, как осинки в едва потревоженном ветром лесу. А вот из норки под камнями выплывает маленькая красная рыбка. Едва сменившая мальковую чешую, а потому любопытная, она подплывает к актиниям и тычется носом в первый цветок. Мгновение – и венчик щупалец хищно схлопывается, унося незадачливого зеваку в вечно голодный желудок. Но это не все. Колесования расходятся по воде, и анемоны захлопываются один за другим. Со дна поднимаются облачка мути. Еще минута – и волнение в бухте утихает, вода проясняется, а вместо цветочного поля из песка торчат уродливые обрубки. Всякая цепная реакция начинается с чего-то. ВСЯКАЯ реакция начинается с чего-то. Сталагмит растет из нескольких миллиграммов известняка в упавшей на пол пещеры капле. Миниатюрная трещина в фундаменте предвещает падение небоскреба, крохотное пятнышко гнили – начало смертельной болезни. В истории Игрека первой сожранной рыбкой следует считать все же не вечных мучеников науки – крыс, и даже не говорливых енотов, за которыми глаз да глаз, а разношерстную компанию, собравшуюся в подсобном помещении через три недели после беседы с блиннхренным превосходительством. Игрек задумчиво разглядывал их сквозь прозрачную с одной стороны перегородку. Лабораторию ему выделили в одном из подвалов Дворца Справедливости, что было отчасти и неплохо для задуманных им опытов. С другой, совершенно непрозрачной стороны перегородки беспокойно переминались два-три среднеазиата, то ли узбека, то ли таджика; несколько мрачных кавказцев переговаривались вполголоса. В стороне сидела парочка корейцев, хотя, возможно, и тайландцев, и один угрюмый негр. А в углу испуганно озирались два молодых бомжа невнятной расовой принадлежности. Старый бомж присел на корточки и к происходящему был равнодушен.

– Вот, – сказал Игрек бледнеющей и краснеющей Эллочке, – наконец-то нам представился случай проверить, все ли нации равны, все ли нации нужны. Коллега Менгеле был бы доволен, как вы считаете?

Эллочка нервно зашуршала упаковкой одноразовых шприцов. Если бы не ее глубокая, уже в болезнь переходящая страсть к Игреку, она охотно бы сбежала отсюда. Впрочем, двое, дежурившие в коридоре, могли бы ее и не выпустить. Тоненько, со свистом, вздохнув, Эллочка нагрузила поднос ампулами и ринулась в бой.

Игрек не был садистом. Он отнюдь не собирался колоть собравшую публику в основание позвоночника гигантской иглой. Для его целей вполне подходил и экспериментальный препарат Е-1428 – убойная смесь серотонина, опиатов и эндорфинов, без затей именуемая «наркотиком удовольствия». Препаратом снабжал все тот же незаменимый Чача. Игрек с интересом наблюдал, как опытная партия после включения излучателя синхронно закатывает глаза. Сияющее в блаженной улыбке лицо старого бомжа было даже пугающим. У всех одновременно учащался пульс, глубже становилось дыхание, отчетливей делались альфа-ритмы. Излучатель действовал. Дискретность была побеждена. Но не до конца, недовольно отмечал Игрек, не до конца: кнопка отщелкивалась, и чудная гармония распадалась на отдельные неблагозвучные аккорды. Конечно, можно установить постоянный излучатель, думал Игрек, но какая же это морока. Источник энергии. Спутниковая сеть, перекрывающая

планету. А по плечу ли такое нашему ближнему превосходительству? Что-то подсказывало Игреку, что да, по плечу – но он пока не отчаялся найти магический ключик к задаче.

И ключик нашелся, как всегда, в последний момент, когда Игреку уже ясно намекали, что пора хвастаться результатами, – и как всегда, из-за ошибки лаборанта. Неразделенная любовь мучительна. Глядя в красные мышинные глаза Элочки и прислушиваясь к ее тихим всхлипываниям, Игрек подумывал даже, а не удовлетворить ли пылкую бабью страсть ради блага науки, но природная брезгливость победила. Поняв, что мечте не сбыться, Элочка перешла на ампулы с экспериментальным препаратом. Игрек смотрел на это сквозь пальцы, потому что смотреть на заплаканное Элочкино личико было во много раз противней. И вот однажды, набирая дрожащей ручкой препарат, Элочка забрала заодно и немаленький пузырек воздуха. Воздух отправился в вену к старому бомжу, а бомж – к праотцам, но интересно было не это. Игрек наблюдал за происходящим сквозь прозрачное с одной стороны стекло и размышлял о том, что Элочку надо будет завтра присоединить к опытной группе. На полу камеры корчились представители нацменьшинств. Подключенные к ним датчики зашкаливали. За спиной Игрека металась менее сознательные сотрудники, крича что-то о вызове «скорой» и «реанимации». Один из них, наиболее сообразительный, вырубил излучатель. Игрек уже обернулся, чтобы обругать слишком самостоятельного мэнээса, когда что-то привлекло его внимание. В камере ничего не изменилось. Игрек проверил аппарат. Он был не только выключен, но даже и вилка была выдернута из розетки. Молодой бомж в камере стоял на четвереньках и отчаянно пытался вдохнуть, его сосед катался по полу, и остальные скребли ногтями бетон.

– Леонид Юрьевич, да вы что, свихнулись? Звоните в ноль три.

Игрек отмахнулся от назойливого. Подопытные в камере приходили в себя. Они вставали на колени. Движения их были странно единообразны, странно гармоничны. Двенадцать пар глаз уставились на Игрека сквозь непрозрачное стекло, и от силы их взгляда по спине побежали мурашки. Они не пытались драться или бежать, они просто смотрели, и было в этом что-то ужасное и древнее, что-то наплывающее на Игрека из темной водяной толщи. Он вскрикнул, развернулся и кулаком ударил по красной кнопке в стене, утапливая ее до основания. В камеру хлынул газ.

Потом Игрек жалел о своей поспешности. А позже ему дали новую лабораторию, новых сотрудников и новый материал для опытов, и первая неудача забылась. Он продолжал работать над односторонним излучателем и даже достиг значительных успехов – по крайней мере, так значилось в протоколах экспериментов.

Небо над Арктикой залито полотнищами света. На самом деле, никакого света там быть не должно, ведь никакой ионизации атмосферы не существует. Над Северным полюсом вообще нет атмосферы. Его накрывает гигантская линза, отражающая океан, и белесые ленты – лишь движение люминесцентных бактерий в подводных течениях, а узкие лучи – это сияние фонарей удильщиков и прочих электрических тварей, а нежно мерцающая, все небо окутывающая вуаль – это шлейф Медузы.

Ледокол пер сквозь туман. Капитан, ворча, чесал лысую макушку под фуражкой – что, мол, за спешка? Кто претя на север в конце октября, когда лед – потепление оно там или нет – становится толще, того и гляди затрет. Игрек прятал ладони в рукавах аляски и чувствовал себя челюскинцем. Над странным супом из тумана и ледяного крошева ревела сирена – кого она звала? Когда ледокол подошел ближе, сирена плеснула хвостом, соскользнула со льдины и ухнула в черную полынью.

– А сиськи у нее ничего, – заметил устроившийся на канатной бухте Старлей. – Нормальные буфера. Я тебе не рассказывал, я, когда на Северном флоте служил, мы этих хвостатых сетью ловили. Специально даже выходили в залив на траулере. Они на рассвете хорошо ловятся, когда на скалы вылезают попеть.

– И что вы из них – суп варили?

– Зачем же суп? И другое применение найдется.

Игрек сплюнул. Плевков замерз, не долетев до палубы, и от удара рассыпался сотней льдинок.

– У них же хвост.

– Ноги, хвост – хуйня. Главное... – И Старлей заржал.

Старлей был официальным сотрудником группы: еще в городе он добывал подопытный материал, поэтому значился интендантом. А здесь оказался вроде бы и завскладом, и матросом, и механиком, хотя Игрек подозревал, что Кир отправил Старлея с экспедицией в основном как соглядатая. Ну что ж, пусть глядит, – и обмороженные губы Игрека морщились в улыбке. Скрывать нечего. Движемся к полюсу, ставим там радар и усилитель сигнала. Спутники Минобороны уже оснащены были прибором – оставалось только закрыть сеткой Приполярье, и можно было начинать эксплуатацию. Эх, Норвегия, Исландия, того ли вы ждали от стратегического соседа? А там, глядишь, и до Штатов... Так, вероятно, мыслил Блиннорылый Чача, однако Игрек мыслил совсем в другом направлении.

Ледокол упрямо двигался на северо-восток, к заброшенной станции со странным названием «Ажурное». Кир перед отплытием из Мурманска давал последние инструкции:

– Там на станции движок заморожен, но его раскочегарить – нефиг делать. Продуктов, соляры на сто лет зимовки хватит. Если застрянете до зимы, не беда, но вообще не возитесь. Будь на связи.

Игрек нетерпеливо кивал. В последние недели его вообще мучило нетерпение – та горячая волна, которая заставила двенадцатилетнего Леньку упрямо плыть саженками навстречу собственной гибели, зуд в пятках и в зубах. Еще несколько дней, в крайнем случае месяц – и все случится. Мир изменится. Он, Игрек, изменит мир. Эти тупые гэбисты и понятия не имеют, чему оказались невольными соучастниками. Знает только он, Игрек. Знание переполняло его, и приходилось сильно сжимать зубы и даже анус – казалось, Игрек лопнет сейчас, знание переполнит его, и он взорвется. Но ничего не происходило. Медленно грузили на судно припасы и ящики с оборудованием, медленно, величественно ледокол покидал порт, оставляя позади цепочку огней и обеспокоенных чинуш. Медленно разворачивался перед носом судна серый горизонт, медленно катились валы, от края и до края бездны, до конца мира, до последнего водопада, где поток рушится на головы терпеливо стоящих слонов. Какая изошренная китайская пытка, думал Игрек, какая же толстая у этих слонов шкура – сам он на их месте давно бы сбросил с плеч опостылевший мир и ушел пастись в саванну. Он и собирался это сделать. Пятнадцать лет мучившее его дело наконец будет завершено, и он уйдет пастись в саванну, как вышедший на пенсию слон. С каждым днем на палубе и в каютах становилось все холоднее, а мысли о горячей саванне – о пыльной равнине, поросшей колкой травой, с шербурскими зонтиками акаций и баобабов и терпким львиным запахом, – мысли эти делались все неотвязней и соблазнительной. В саванне нет моря, а значит, не будет и медуз. Здесь же, на ледоколе, ему не было покоя. Все чудился взгляд из-под поверхности воды, взгляд, упирающийся прямо ему в затылок, – хотя Игрек уже не был уверен, Медуза ли это смотрит или те двенадцать.

Станция встретила их пустотой коридоров, гулкостью и невероятным морозом. Внутри было, казалось, градусов на двадцать холодней, чем снаружи. В таком холоде чудилось неприятное – так и казалось, заверни за следующий угол, и увидишь бывших обитателей станции, с белыми неживыми лицами и движениями марионеток. Поэтому никто осо-

бенно не огорчился, когда Игрек решил не останавливаться здесь. Закинув на склад лишние припасы, остальное погрузили на снегоходы и двинули вглубь ледяной платформы. Места назначения достигли через два дня и здесь разбили временный лагерь. Уже с утра инженеры занялись разверткой радара. Часам к пяти задуло, понесло по льду мелкий колючий снег, и пришлось скрываться в палатках. Ветер усиливался. Игрек, выглянув наружу – лицо закрыто шерстяной маской, вокруг губ изморозь, – вернулся обеспокоенный и заявил, что надо перетаскать в палатку ящики с инструментами, иначе занесет, потом придется рыскать с металлоискателем. Старлей вызывался помочь. Он вообще странно привязался к Игреку за время плавания, как привязываются к младшему брату, неловкому толстому увальню. Увальня можно дома и по затылку огреть, но во дворе и в школе надо оберегать, ведь увальень или нет, а – брат, куда от него денешься.

– Ну и что, что жид, – мучился Старлей, убеждая как бы самого себя. – Жиды тоже разные, есть свои, есть чужие. Вот ты – свой, и мне наплевать, замешивал ли ты там мацу с кровью младенцев...

– Я не ем мацу, – мягко замечал Игрек.

Его умиляла эта привязанность. Сам бы он младшего братца-толстяка отвел бы на какой-нибудь пустырь да и столкнул в котлован строящегося дома ненароком. Больше всего он ненавидел публичное унижение, а брат-толстяк – ходячее воплощение такого унижения. Но Старлею, по мнению Игрека, просто не хватало мозгов. Вот и сейчас, вместо того чтобы сидеть в тепле палатки и нянчить в руках крышку от термоса, до краев налитую горячим чаем, Старлей покорно вздохнул, натянул куртку и маску и полез из палатки. Что ж, это многое облегчало.

Снаружи мело, как будто ветер огромной метлой решил убрать весь снег с платформы и обнажить чистый первозданный лед. Пригнувшись, они попробовали идти, но ветер сбивал с ног.

– Давай на снегоход! – проорал Старлей.

Проблуждав с минуту в белесом месиве, они наткнулись на одну из машин. Снегоход долго не заводился, но наконец завелся, и они рванулись сквозь муть. Секло лицо даже сквозь маску. Одной рукой удерживаясь за плечо Старлея, другой Игрек шарил в кармане. Ему очень не хотелось обронить то, что он там прятал.

Пока Старлей рылся в снегу и грузил в прицеп саней ящики, Игрек подобрался к радару. Опоры были уже собраны, и развернута воронка, лисьей мордой уставившаяся в неотличимое от земли небо. Под курткой Игрека была сумка с ноутбуком. Гарантированные двадцать часов заряда батареи при любой температуре. Игрек усмехнулся. Вот сейчас и проверим. Достав шнур, он подключился к панели управления радаром и застучал по клавишам. Перчатки пришлось снять, и пальцы мгновенно утратили чувствительность, но это было уже неважно. Старлей бултыхался в снегу неподалеку, все еще возясь с ящиками. Он и не заметил, как рыло радара дрогнуло и медленно опустилось, шаря, слепо нащупывая цель, и как остановилось на красном пятне его куртки.

– Эй! – заорал Игрек. – Эге-гей! – И, когда Старлей обернулся, вытащил из кармана ракетницу.

Это было все тем же злополучным черноморским летом. Вовка раздобыл откуда-то ракетницу – похоже, стащил ее у физрука. Ракеты купили в городе, в «Туристе». Втроем они – Венька, Вован и Ленька – отправились на Скалу и долго роняли шипящие звезды в спокойное ночное море. К рассвету стрелять в море им надоело, и они потопали обратно в лагерь. Шли через луг, на котором уже паслись сонные, немые коровы. Черно-белые, пегие туши то выныривали из тумана, то вновь скрывались, и неслоь иногда над белыми волокнами

мглы тоскливое «му-у». Вовка внезапно остановился и прищурился, разгребая траву босой пяткой.

– А чо, ребята, если в нее из ракетницы – дырка большая будет?

Ленька постучал по лбу согнутым пальцем:

– Совсем ку-ку? Отловят тебя, будешь в колонии для несовершеннолетних дырки мерить.

Вовка, дитя совхоза, почесал в затылке ракетницей и сказал:

– Ага. Жаль. Ну, я думаю, в метр дырища была бы, если вплотную.

Безобидный Венька, похоже, и вправду испугался, что Вован затеет эксперимент. Он помчался по полю, высоко вскидывая коленки и улюлюкая. Коровы меланхолично уступали ему дорогу, а с того конца луга уже ковылял пастух, ругаясь во все горло и щелкая бичом. Пришлось сматываться.

Так они тогда и не выяснили размеров дыры.

Пальцы задубели настолько, что он боялся промазать. У Игрека был всего один выстрел. Пока успеешь перезарядить, Старлей очухается и душу из него вытряхнет. Поэтому он целился очень тщательно. Старлей, петляя, бежал к саням. Вот здоровяк споткнулся, упал, но снова вскочил и пересек последние метры. Сбоку тонко гудел радар. Гудение мешало Игреку сосредоточиться. Он прикусил губу, и насквозь промерзшая губа треснула, и во рту стало тепло и железно. Старлей уже плюхнулся в седло снегохода и вцепился в руль. Игрек надавил на спуск. Короткий ствол рыгнул, и чуть дернуло плечо, а на месте головы Старлея расцвел красный шар. Это было так неожиданно и красиво, что Игрек заморгал и ртом втянул обжигающий воздух и мелкую снежную крупу. Задохнулся, закашлялся. Старлей орал. Он никак не желал умирать и все бегал по снегу, как обезглавленный петух. Махал руками, хлопал себя по капюшону, пытаясь потушить огонь. Гудение сбоку усилилось, и, обернувшись, Игрек увидел странное: от радара, казалось, тянулась раскаленная белая струна, связывающая Старлея, его снегоход и уходящая в снежную муть. Но и в метели струна не терялась, а расширялась, как полоса света, бьющая через диафрагму. «Линза», – успел подумать Игрек, и тут снегоход взорвался. Охваченный пламенем, Старлей упал в снег. Он уже не кричал, а только выл и катался. Лед под ногами Игрека дрогнул. Невольно глянув вверх, он увидел, как белые струны тянутся сквозь метель, и на каждую нанизана яркая точка спутника. Игрек удивился – как можно разглядеть спутники днем, да еще и в такую пургу, – но тут льдина перед радаром зашаталась и встала на дыбы. Неизвестно, на сколько метров тянулась трещина, однако лед треснул и прозрачным небоскребом вознесся над водой. Игрек упал на четвереньки. Белое сияние усилилось. Теперь оно было всюду. Не затронуло лишь узкий клочок тверди с барахтающимся в снегу Игреком и радаром. Лед крошился с грохотом, напоминающим пушечные залпы. Слепший и оглохший Игрек зажал глаза руками, и потому не видел, как от моря до неба поднимается сверкающая стена, отделяя его от всего остального мира, как расходятся широким кругом – так расходятся круги по воде от брошенного камня.

...В один из тех жарких летних вечеров, которые по сути своей холодные зимние вечера, поскольку других вечеров в Арктике не бывает... Так вот, Игрек сидел на льдине и смотрел на приближающуюся Медузу Горгону. Медуза наплывала из-под льда медленно, но неизбежно, волосы ее, словно наэлектризованные, шевелились, а губы раскрывались в предвкушении поцелуя. Когда-то, на черноморском побережье, Игрек сравнил бы эти губы с ломтиками грейпфрута, набухшими пурпурным соком. Теперь бы он сравнил их с кое-чем другим, но охота сравнивать отпала. Огромные, широко распахнутые глаза Медузы отражали полярное сияние, и небо, и космос, и летучие корабли инопланетных захватчиков, спешащих на зов, – а в сущности, не отражали ничего, кроме черной глубины Медузьего сердца. Игрек

с трудом оторвал взгляд от этих манящих глаз и пробормотал: «Помогите». Он оглянулся, как будто ожидал увидеть спешащих на помощь – может быть, Веньку в дурацких широких плавках, и набычившегося Вовку, и Ирку с красками и этюдником. Однако вокруг только плескалась вода, и далеко, на горизонте, нестерпимо блестела Стена. Даже снега не было – весь снег снесло взрывом, и остался лишь ослепительно чистый лед и Медуза под ним. Она была уже совсем близко. Игрек откашлялся и снова позвал: «Помогите. Кто-нибудь...» А за его спиной, у выкорчеванных опор радара, ветер-шутник складывал мелкие льдинки в слова. Точнее, всего одно слово, и слово это было...

СТАРЛЕЙ И СТЕНА

Мы строили, строили – и наконец построили!
Из предвыборной агитки
масонской партии

Здесь было правильно: без задрочек в полвиста.

А запахи засуньте поглубже: у Старлея гайморит. Уж если офицеру ВКС чихать трижды мимо, то вам и подавно сгодится атмосфера на закате дня.

Атмосфера, кстати, была не ахти. Поначалу. Потом привыкли, втянулись, некоторые даже обнаглели насчет задуматься, кому все это нужно, кто эти шутки оплачивает. Таких в расход схомячили быстро. Старлей, если вы не в курсе, идиот наследственный, даже справка есть, сориентировался мгновенно – думать за сутки разучился. Он теперь молчаливый, словно килька в томате. Не зря в учебке закрепленный майор его в пример перед строем ставил (иногда – рачком), мол, Старлей и такой и эдакий, и вообще молодец, и далеко пойдет.

И Старлей пошел. Лицом к стенке. К Стене то есть.

С пожрать поначалу тоже не заладилось. Как и все вообще с того удара по яйцам. Потом, когда умные вскрылись, стало легче. Жаль, умных на всех не напасешься. Редкий, гы-гы, исчезающий вид. Только комсостав побаловать и может. Но кое-что и младшим чинам обламывалось, а как же...

– Эй, Старлей, упасть-отжаться раз-два-взяли?!

– Так точно! – И ведь падает, и отжимается.

А куда, на? Все честно, аккуратно по уставу. Сегодня ты, завтра я. Ротация кадров, так это у тушканчегов называется. А Земля всегда ругает за передовые технологии и обмен опытом. Только тушканчегии хитрые, сцуки: типа вы нам планету, мы вам экспансию. Вы нам атмосферу, мы вам хронический гайморит. Мы вам Стену, бу-га-га, а вы нам продразверстку в сжатые сроки.

Благодать типа.

– Эй, Старлей, пиво будешь?!

– Так точно!

– Ну, пей... – Вялая струйка мочи комками впитывается в рассыпанный по земле цемент.

Пить так пить. Если Родина прикажет, кто же Родине откажет?

Стена у блокпоста бригады ОсНаза по утренней сводке что-то около двух кэмэ высотой, микроны засуньте себе и проверните. Нижние слои, метров двести примерно, сплошь гранит и базальт, пласты нержавеющей стали и кирпичная кладка. Титан еще, стронций разный, уран-плутоний, ну, по мелочам, от которых счетчик Гейгера ругается, а грифы выводят безглазых цыплят. Там, где кирпичи, это ВКС расстарались. Согласно официальной версии, Стена есть производное от гения людского разума. Смутно верится, что гениям делать было нечего, столько урана переводить. Это ж ядерных ракет малой (не говоря уже о средней) дальности можно было пару тысяч наклепать! И аста ла виста, тушканчегии, гоу хоум!

Старлей уверен: Стена – дело рук (манипуляторов, щупальцев) пришельцев. Люди ни в чем не виноваты.

Звезды – как на погонах генерала: сплошной крупняк, небо чистое-чистое. Взгляд привычно игнорирует рекламные голограммы, что транслирует вышка, смонтированная по соседству неделю назад. Ну, блин, не жалко бабла пиарщикам: пройдет пару дней, максимум десять, и вышку смоем застройка, ибо Стена – явление отнюдь не статичное. Старлей жадно

курит, схватив сигарету тремя пальцами и кусая фильтр так, чтоб не намочить губами. Старлей разрешает себе расслабиться: иногда есть резон стравить пар и побыть человеком. Пока никто не видит.

Бля-а-ааа, аж слезы на щеках. Ёлы, надежд-то было сколько, а? Не жизнь, а сплошная вера в будущее. Мы – лучше! Мы – передовой отряд Вселенной! Мы – обуздали атом, вакуум и плоскостопие! Нам – черные дыры по причинное место!

Надежды – это хорошо. А реальность вокруг еще лучше. Особенно когда тебя берут в три ночи, вытряхнув из теплой постели и двинув прикладом в череп.

– Как зовут?! – оч-чень вежливо интересуются, так вежливо, что странно даже.

А ты, не чувствуя подвоха, блеешь что-то вроде:

– Васс-sss-я-ааа-а, при-яя-ааа-атна-а-аа...

– Познакомиться?

– Да.

И опять прикладом. В пах. Кадету ВКС яйца как плохому танцору.

Идти не можешь, потому по лестничным пролетам катишься. Если докатился с двенадцатого и живой еще, значит, для армии ты уже не допустимая потеря, но почти что воин. Лавочка у входа в подъезд припорошена черным снегом, надутым от танкового завода. Луна в три четверти. А вас пятеро таких пригожих, ничуть не сонных. Сколько есть. Две сломанных руки, одна нога, с ребрами напряг и гематомы ниже пупка – бывает, так надо. Методика воспитательной работы – это не «уд» за поведение в дневнике, это гораздо эффективней. Маму в школу, папу на педсовет? Что вы, пусть работают, не отвлекайте граждан от невыполнения плана по производству резиновых уплотнителей масленок заднего моста Т-120 «Агрессор».

Пяткам холодно. И не мешало бы посетить отхожее место. Опять же лает саабаачкаа, клыки слюнявит, укусить норовит. Если две недели подряд кормить питбуля навозом тушканчег, пес превратится в саабаачкуу. Или даже в сааабааачкууу.

– Вы все – жирное вонючее сало! У меня от вас нос заложило, щщщтт! Меня от вас тошнит! – Голос не то чтобы громкий, но резкий, как циркулярка, отхватывающая палец, – а вот не клади.

Ты удивлен: какое сало? Нет у тебя никакого сала, одни только кости, да и те б/у, отбивные такие кости, суповой набор третьей категории.

– Я не сало! – Это рядом кто-то шибко умный нарисовался.

– Да?! Не сало?! – Голос становится сладким, как сто граммов сахара в стакане кипятка. – Хороший ты мой! Золотой почти! У, ты какой не сало! – И с надеждой: – Еще не сало есть?

Тишина в ответ.

Ты – жирный и вонючий.

От тебя тошнит.

– Звание?

– Старлей!

– Имя?

– Старлей!

– Фамилия отца?!

– Старлей!

Главное, уверенность в собственной правоте. Если спрашивают, сколько будет дважды два, надо четко отвечать: «Старлей!»

Кто сотворил Землю и небо, кто каждый день трахает жену Президента, кто ворует на кухне сырую брюкву, кто самое отстойнейшее чмо в пределах Обитаемых Миров, кто дронит с утра и до вечера, а потом не моет руки?!

– Старлей!

Главное – не сомневаться. Сомнение – путь в дисбат. А дисбат... Никто не знает, что такое дисбат, но все уверены: там нечего делать, там нет ничего, там никто и нигде, там даже не там, а где-то иначе.

А вот если вопрос задан иначе...

– Умрешь за Родину, салага?!

– Так точно!

– Будешь сосать у меня после отбоя?!

– Так точно!

Главное – не ошибиться: если дважды два, то... а если сосать, то...

Возможность выбора.

Демократия.

Трясло – жуть. А еще в кузове пахло газом. Это поначалу. Минут через пятнадцать привык. Все привыкли. И Колька, и Петро, и Дмытрык.

А Степана в кузов не посадили, Степана в БТР взяли. Типа, раз он не сало, то нечего ему с остальными кантоваться: «Первым классом! Пожалуйста в люкс! Джакузи, кондиционер, виски с содовой!»

Кто-то протянул руку, кто-то, ругнувшись, боднул головой в зад. Василий плюхнулся на деревянную лавку. Он никогда не пробовал виски, но точно пиво круче, если под леща. А вот с джакузи Степану повезло. Блин, какого хека тут газом штыняет? И двери плотно закрыты, не проветрить. Зато можно перднуть, никто и не заметит. Мысль эта показалась Ваське оригинальной, и он перднул. И никто не заметил. Все спали.

Васька решил рассказать о содеянном Дмытрыку:

– Дмытрык, а Дмытрык? Прикинь, я перднул! Палюбасу круто! Зацени, а?!

Но Дмытрык не ответил.

Дмытрык умер во сне.

И Колька с Петром за компанию. Газом отравились. Васька не хотел, так получилось. Он остался в кузове один – пердеть и ехать в неизвестность.

Почему он не умер?

Пачку выдул, не заметил даже. На картонке нет логотипа, зато крупно нашлепано черным: «Помните! Курение вызывает рак прямой кишки и ветрянку!» И все равно отличный у тушканчегов табак, вкусный.

Зябко, ветерок, от Стены туман ползет, накроет скоро. Молодым гайморит обеспечен. Вот так всегда: был цивильным челом, даже после учебки и присяги, а только в туман у Стены вляпался, схватил свою порцию глюков – и все, ты другой уже, запахи не волнуют. И ладно бы желтым накрыло, а если сразу зеленкой? Ох, не позавидуешь молодым, сегодня праздник майских трав будет, прячься кто куда.

Сверху звучала музыка. Не с самых вершин, конечно, хотя... Тушканчегии на дечигпон-дарах зашибись как исполняют, на балалайках еще умеют, на гитарах.

Старлей юркнул в прореху периметра, двинул по спирали по минному полю, прополз под колючкой, прошептал пароль и сунул пару сигарет дежурным вертухаям. Нормально, на месте, какая самоволка, о чем вы?

До заката часа два напряженного веселья и тягот армейской службы. Эхма, неужто продержался?! Сроки-то оговорены заранее, а ночью полеты запрещены.

Нэ кажи гоп, поky нэ пэрэскочив, как говорил Бандеровец, гарантируя поймать Старлея на мизере. В смысле, а вот и комсостав. Ждал, значит, гондон в тельняшке.

Интересуется как бы между прочим:

– Сколько раствора осталось? На сегодня хватит?

– Так точно!

– Ты мне ваньку не валяй, я тебя по-людски спрашиваю. Сколько, говорю, замесов?

– Так точно! – Старлея на фуфло не прокинешь, он малый дрессированный, знает, что и куда. Утром прилетал тушканчег, начал, скотина ушастая, на троих заказ оформил. Один-то есть со вчера еще – маму во сне звал, прокололся парниша, таких не берут в космонавты. Значит, двоих надо. Потому комсостав и свирепствует – умных ищет.

Но у Старлея справка есть. Фикус им, а не Старлей, он еще послужит Земле!

Визит свой тушканчег нанес еще и в воспитательных целях. Тушканчег так и норовят передать знания и опыт младшим братьям по разуму. Традиционно комсостав этому процессу не то что бы противится, но всячески потакает. Мол, смотрите, парни, от какой мрази мы защищаем родную планету.

Мразь, стравливая копать и пар, разместилась на заборе у сортира, где ароматней всего. Чертов гайморит! Жужжали мухи. У Старлея после трех нарядов вне очереди болели пальцы, плечи и спина. О том, что у него есть орган, презрительно именуемый «голова», пришлось забыть еще в учебке. Примерить скафандр, подрегулированный на три размера меньше, ходить в нем сутками, чистить брюкву на кухне и драить толчки – удовольствие своеобразное, комплексное. Тяжело в ученье, говаривал закрепленный майор, зато в бою сдохнуть – радость круче, чем потрахаться, что вам, бабуины, не грозит даже во сне.

В смысле потрахаться.

Не зря же прикладами в пах...

Тушканчег сидел на заборе и ковырял коготками в клыках. Старлей уже видал такое, это представление для молодых: засеки врага, вспыхнули ненавистью, готовы накинуться и рвать зубами, душить и топтать. Если комсостав разрешит. Короче, бесплатный цирк. Кто клоуны? Вопрос с однозначным ответом. Дрессированные бабуины демонстрируют чудеса гибкости. Жажнут подвига, но подвигу насрать на бабуинов.

Тушканчег кашлял, чесал средний рог и поплевывал на лапки, выглядывающие из-под пятнистого комбеза. В этот момент он был здорово похож на майора из учебки, только втрое мельче и не такой мерзкий.

– День добрый, г-гаспада-а! – проблеял тушканчег.

Рота – рефлекс, ничего не поделаешь – дружно рывкнула:

– Так точно!

Тушканчег протяжно вздохнул, наморщил черный носик, зевнул, мол, скучно-то как, а?! И сказал:

– Г-гаспада-а, вам известно, что мы, тушканчег, прилетели на вашу планету с единственной целью – сеять разумное, доброе, вечное. То есть, проще говоря и выражаясь доступными терминами, мы прилетели вас поработить. Думаю, гражданам Земли это не совсем нравится?

– Так точно!

– Прискорбно, г-гаспада-а, прискорбно!

Тушканчег сокрушенно качнул уродливым черепом справа налево.

С каждой секундой у комсостава меньше времени, меньше власти. Время работает на Старлея. Завтра его очередь, завтра он покажет всем куда и где. Дождался. Рад? Ну-у... Почему бы и нет? Заслужил.

Присутствие потенциального врага своеобразно воздействовало на молодняк. Парни громко сопели, кулаки сжимались, ноздри трепетали. А Старлей и не помнит уже, чем пахнет от тушканчегов.

– Рота! – Комсостав, чеканя шаг, прогулялся перед строем.

– Так точно!

– Огонь! – рявкнул командир и проворно упал в пыль.

И правильно сделал. Потому как случилось все что угодно, только не огонь. Молодые толком не умеют еще, а те, кто при звании, предпочитают экономить энергию. Зажигать сердца – не мешки ворочать, на сухпае не поискришь. Старлей, к примеру, швырнул стамеску и мастерок. Стамеска, как обычно, угодила в самую левую глазницу тушканчеге, а мастерок – в ключицу, туда, где, если верить плакатам по анатомии оккупантов, мышцы встроенного парового котла соединяются с нервными окончаниями турбогенератора. Сослуживцы тоже разнообразием не отличились: кто-то гвоздь-соточку наметил в цель и анкером пожертвовал, что заваялся в кармане случайно, вовсе не для продажи плутоватым закупщикам из Города. А кое-кто и вилку не пожалел.

Кружку.

Зубило.

Молоток.

Тушканчег смиренно встретил металл грудью, брызнула кровь, враг упал, протяжно взвыл, дернулся якобы в агонии и замер, испустив струю пара. Молодняк с отвращением скривил морды. Сталей пожалел, что швырнул стамеску. Хорошая была, натовская, не факт, что новую выдадут такую же. Небось сольют китайский ширпотреб, а то и вьетнамский.

Комсостав, отряхнув пыль, выпрямился:

– Бойцы, довольны столкновением с вероятным противником?!

– Так точно!

– Вольно. Разойдись. Это... Старлей... стой... ко мне...

– Так точно! – Старлей всегда готов к труду и обороне.

– Убери эту дрянь... ну, ты знаешь...

Старлей знал. Не впервой.

В учебке было хорошо.

Редко, но хорошо.

Чаще – плохо. То есть нормально, обычно. Подъемы среди ночи, зарядки от электросети, потом точечные удары по ротовым мишеням тушканчегов. За один выброс организм теряет сто граммов полуживого веса. Организм еще зовут Васькой, он сам и зовет, мысленно, когда никто не слышит.

Щиты, плакаты вдоль бордюра, белая краска линий на асфальте. Флюгер локационной станции, ржавый пучок антенн. Трансформаторная будка: «Осторожно! Высокое напряжение!» И танцы под музыку: сиплое дыхание – аккомпанемент, покачивание камуфлированных тел – изысканные па. Это есть утреннее построение, продолжение вечернего развода. Как вчера перед отбоем равняйся-смирно, так до сих пор и...

– Эй, салаги, кто скажет, что такое ВКС?!

Строй не дышит. Даже. Говорить вообще напряг.

– Товарищ майор, разрешите обратиться? – прошелестело едва слышно.

– О! Приятная неожиданность... Ну дык... Умный, да? Обращайся.

– ВКС – это аббревиатура. Военно-Космические Силы. Элитные войска! Надежда планеты!

– Да? О как! У кого-нибудь есть иная трактовка? Нет? Молодые люди, я развею ваши заблуждения. На склад за ломом и лопатами. Траншею мне отсюда и до солнечного после-

завтра. Пить нельзя, жрать червей запрещаю. ВКС – это Военно-Космический Стройбат. Выполнять была команда!!

Километрах в двух от периметра натужно ухал АГС – развлекались «дедушки» в краповых беретах. ОсНаз не жалеет боеприпасов, особенно по обкурке.

Старлей заметил, что подобные звуки благотворно влияют на психику начальства. Вот и нынешнего комсостава чуток попустило, хоть он еще и продолжает огрызаться. Никак не может смириться, подонок. Тушканчега решил поразить дисциплиной и выслугой лет. Напоследок, ага, дембельский аккорд. А заодно и Старлею подлить скипидару в промежность. Два в одном – это всегда приятно.

– Нет, ты скажи, сколько замесов?

– Так точно!

Вчера привозили туристов. Подрастающее поколение, где только таких дебилов выращивают? Все туристы, будь они хоть америкосами, хоть пенсионерами, есть подрастающее поколение, на большее не тянут. Вот бы кого... н-да... У некоторых все впереди, успеют куснуть очкового змея. Это же так занимательно: экскурсия в колонну по двое, прыжок на месте – пять лет с конфискацией. Парочка, толстый парнишка и девица в веснушках, тормознули у позиции Старлея. Он как раз отлив расчищал, ну, то место, где комсостав изволил цемент оросить. Солнышко всю жарило, потно было, благодно. Мол, не зря живешь, братан, но во имя.

– Слышь, Венька, а чего он такой чмошный?

– Сама и спроси, Ирочка, а меня доставать не надо, у меня нога болит.

– Слышь, воин, а чего ты такой чмошный? Мож, тебе закурить дать?

– Так точно! – привычно заскулил Старлей, но хлопчик и его потаскушка, сволочи цивильные, рассмеялись и убежали. Сигарету не дали. Подумаешь...

Ничего, всему свое время.

Время чистить отлив и разбрасывать камни.

Камни разбрасывали вчера. Сегодня – сбор, сортировка, катание квадратного. Недавно ломами лужи вычерпывали, завтра предстоит зубными щетками утилизаторы биоотходов до блеска начищать, послезавтра – водить дембельские звездолеты к светлому будущему, тому, где человечество – передовой отряд вселенной и обуздано атом. В программе также покраска гуашью травы у КПП (осторожней, бабуины, не повредите муравьев!), очередная трехдневная диета без воды и червяков и, конечно, просмотр кинофильма о том, как доблестные земные космодесантники громят аулы тушканчег на далекой-далекой планете – малой кровью на чужой территории, как любит говорить майор. Насчет чужой вопросов нет, насчет малой есть сомнения.

За неделю в учебке Васька (он все реже называет себя так) научился перегрызать колючую проволоку и пальцем сверлить дыры в бетоне. Через две он умел зажигать взглядом огонь в сердцах врагов и бензобаках сухопутной и воздушной бронетехники. Через три – спать на ходу, без запинки отвечая на вопросы и проталкивая нечто, смутно напоминающее жранину, в пищевод. Если жранина сопротивлялась и квакала, ее следовало задуть гортанью и все равно проглотить. И не просыпаться!

Когда в пополнении обнаруживались умные, жратва становилась разнообразнее или вообще становилась хоть какая-то. Лучше что-то, чем вообще трое суток пусто. При виде умников у Васьки теперь срабатывал условный рефлекс: текла слюна, урчало в животе.

А еще майор регулярно хвалил Ваську. Особенно ласковым он бывал после отбоя.

Потому Васька ничуть не удивился, когда майор предложил:

– Хочешь справку о том, что ты идиот? Наследственный?

Васька не шибко-то и знал, чего хочет. Он, конечно, не прочь спрятать тельце под фонарем блэкфайтера, опутать себя дроидами и нейроразъемами, залить личку-психопрофиль в гель управления, расслабиться в комбикресле и стартануть в стратосферу, после чего подобно баллистику скользнуть вдоль пустоты, чтоб, выйдя в заданный район, резко спикировать и слить напалм на Стену.

И по возможности жахнуть термоядером.

Или хотя бы пощупать пулеметными очередями.

А потом резко, выворачивая «бочку», уйти вверх – прощай, Земля! – довериться компу, впасть в криоспячку, вовремя отмерзнуть, выхлебать положенную трехсотграммовку саке и рухнуть из поднебесья пылающим метеоритом – да прям в рассадник тушканчегов, как в том фильме, что показывают каждый понедельник, вторник, среду и четверг, пятницу и субботу. А потом еще в воскресенье повторяют, чтоб не расслаблялись.

Этого хотят все парни Земли.

Правда?

Но майор интересуется какой-то справкой. Вчера Ваське внятно (промежность до сих пор болит) объяснили, что отныне на любые вопросы, заявки и пожелания от него требуется один ответ:

– Так точно!

Майор доволен:

– Я думаю, мой мальчик, из того сброда, что ныне тусуется в учебке, отдыхая от производства, сферы услуг и прочих занимательных должностей, ты один можешь сделать полезное дело. Оказать посильную помощь своему командиру. Ты знаешь какую. У тебя отлично получится. Готовься. А я пока возьму иглу, нитки и гуашь, что осталась после покраски травы у КПП.

– Так точно!

– Что меня радует, так это твоя обворожительная немногословность.

Командир набил на плече Старлей татуировку – выхлоп стартующего блэкфайтера и простенький череп. Взамен Старлей оказал посильную помощь.

– Думаешь, на вообще я эту хрень тебе набил?

– Так точно! – От помощи болела спина: в момент наивысшего наслаждения у майора точно прорезались когти, блин.

Мерцал ночник, усатая бабочка фанатично атаковала абажур. Вычищая резцами из-под маникюра кровь и сплевывая в прикроватную тень – у военного все должно быть идеально, – майор обосновал:

– Правильно мыслишь, воин. Это не просто татуха перед девочками хвастать, на топчане бока отлеживая. Это твой диагноз. Идиот ты, генетически проверенный. То есть наследственный. Все, пошел на...

Утром Старлей отбыл в регулярные войска.

К Стене.

Выпустив положенную порцию тепловых ракет, вертушки сели на пустырь за казармой. Три штуки сразу: Ми-8, «крокодил» и натовский «апач». Тут ведь вояки обитают, а не колхозники в тужурках, мешки с цементом надо таскать так, чтоб за подвески НУРов цеплялись. У пилотов на бритых черепах компьютерные шлемы впритирку, аж завидно – аккуратные такие головки, ровненькие. Говорят, их специально под шлемы обтесывают. Врут стопудово.

Старлей, кстати, в часть на «восьмерке» прилетел. Всю дорогу он и еще десяток таких же перепуганных мальчишек, грязных, уставших от собственной вони и страха, слушали

всхлипы забытого еще в эпоху мамонтов придурка, на английском предлагающего девице примчаться на свет его огня... динамики вибрировали, в черепе не помещалась боль...

Вроде и недавно было.

А будто – жизнь прошла.

– Ну, как у вас? Жить можно? – У пилота три звездочки на погонах. Свой чел. Можно в принципе по-людски поговорить. Но нельзя. Поставлена задача: убрать эту дрянь.

Эта дрянь – труп тушканчега – взвалена на плечо. Не то чтоб тяжело, но и легкой ношу назвать противоестественно. Опять же инструмент (стамеску в частности) выковырять не получилось: крепко засел металл, хоть ножом поддевай, хоть пилой режь. Молодежь, из неверующих, попробовала – вот и нож у врага из-под ребер торчит, и пила виднеется там, где у людей филейная часть расположена.

– Ну чо, салаги, типа расслабляемся, на?! Когда Родина в опасности ежесекундно...

И тут комсостав выследил. Небось из поля зрения не выпускал вообще. Бдит, сцука, неустанно. А значит, в выборе достойного ответа сомнений нет и быть не может:

– Так точно!

– Тебе какая задача поставлена?!

– Старлей!

– ШО?!!

– Так точно!

– Тьфу ты... Выполнять, на!

Старлей проворно засеменял вдоль цепочки бойцов, разгружающих «апач»: серая цементная пыль на худых торсах, белые зубы в прорехах распахнутых ртов. На труп тушканчега не обращали внимания. И так покуражились, попинали мертвую скотинку, дружно удивившись, что молоток из проломленной черепушки не вытаскивается, да и разбежались нести службу, укреплять оборонные рубежи землян.

На сей раз по брусчатке у КПП Старлей вышагивал во весь рост, почти что гордо. Мол, не в самоволку выгребаю, но исполняю приказ. Пароли, явки, куда прешь... Все вопросы к комсоставу. Правда, сигарету хлопцам слить все равно надо, а то и две – за гордость. Или – за наглость. Пошакалить в карманах тушканчега, изъять и слить. Мародерство, ёлы, наказуемо, но везде люди, везде понимают, когда приспичит.

Стена возвышалась. В смысле, тянулась к небесам. Завтра, Старлей уверен, в сводке нашлапают не менее трех кмэ. Правда, молодняку после зеленки все десять померещатся, и свет в конце туннеля, и досрочное окончание войны с оккупантами...

Старлей пронес тушканчега через минное поле, протолкал в дыру в бетонном заборе, окружающем овраг, толкнул со склона, а сам пошел по тропинке. Спустившись вниз, в кусты сирени, обнаружил, что пришелец ожил (быстро, ёлы!), сидит себе и болтает из стороны в сторону головой.

– А, тварь ушастая, регенерировал?! – поздоровался Старлей.

Он был чуточку зол на инопланетянина: пока нес труп, заляпал обрезанную по плечи тельняшку хлипкой оранжевой дрянью, заменяющей тушканчегам то ли кровь, то ли мозги, а может, экскременты. Одним пятном меньше, десятком больше – без разницы. Только вот дрянь эта пахнет специфически. Старлею фиолетово, гайморит, а вот молодняк реагирует на такие ароматы болезненно – могут и в бетон закатать. Ночевать в казарму Старлей не пойдет, потому как стремно, он не самоубийца. Туман еще...

Нет уж, нет уж, на фиг, на фиг.

– Надоели вы мне. Я к вам сколько уже прилетаю, а вы меня убиваете и убиваете, убиваете и убиваете... – заныл тушканчик, медленно, но уверенно восстанавливая двигательные функции.

– Ты ж все равно не умираешь, тварь ушастая. Вот бы тебя в натуре грохнуть. – Старлей трижды пожалел, что не проверил карманы пришельца по пути. Теперь уж поздно. И рискованно.

Словно угадав ход мыслей Старлей, тушканчег принялся разминать шипастый хвост, свитый из хрящей, оптоволокну и силикона. Острые шипы – из титана.

– Не, ну нормально, а?! Мы им разумное, доброе, вечное, а они нам... эх!.. – Тушканчег сокрушенно покачал уродливым черепом справа налево. – Три ящика свиной тушенки притащил, а они – в натуре грохнуть. Все вы, гуманоиды белковые, – фуфлыжники неблагодарные!

– По ящику за чела?! – Глаза Старлей похотливо блеснули. При таком раскладе не запахло проигнорировать оскорбление. – По ящику, да?! Неслабо!

– В самый раз, нынче курс такой. Так что усиленно выявляйте, всех возьмем. Курить будешь?

– Буду.

Тушканчег протянул мятую пачку:

– Оставь себе.

Старлей и не думал возвращать.

– Слышь, тварь ушастая, а на фига вам наши умники?

Тушканчег подергал стамеску, извлечь не смог, цокнул языком:

– Это вообще-то тайна.

– Да ладно тебе...

– Ну, уговорил, расскажу. Представляешь, все ваши умные люди – это тушканчегги. А мы своих в беде не оставляем! Вся ваша армия – беда!

– Чего?!

– Того. Умники в армии, все до единого, – тушканчегги! Разведчики наши, глубоко ассимилированные среди людей для сбора сведений о доминирующем виде планеты, чтоб потом на основе этой инфы можно было просто и безболезненно вас поработить. Причем разведчики так ассимилировались, что уже не помнят, кто они и откуда. Прямо как люди вообще.

Старлей затаился, скривил губы.

– Я дрессированный, меня на просто так не кинешь. Это что же получается? Ты, тварь ушастая, паришь мне, что друг мой Степан, с которым призывался я в одну ночь из одного подъезда, какой-то сраный, на, тушканчег?!
Пришелец развел лапками:

– Высокий, худощавый? Шрамик на лбу, над бровью, почти незаметный? Родинка еще на жопе то ли пимпочкой, то ли сердечком? И ругается так странно, сейчас вспомню... А! Вот так ругается: «Бля буду фунтик ебливый!» Да? Ну извини, брат...

– Мне тушканчег не брат! – громко заявил Старлей на случай, если беседу подслушивают. – Давить вас, тварей ушастых, надо! Напалмом жечь вместе со Стеной, фак ее фундамент!

– Стена, да... Стена... – Тушканчег мечтательно закатил немногие уцелевшие глаза. – Наша родная планета – сплошная Стена, ничего нет, кроме Стены! Никаких рек, океанов, оврагов этих ваших... И вот, представляешь, по весне, когда на колючей проволоке цветут растяжки противопехотных мин, а закаты полыхают нежно-розовым заревом мусоросжигательных заводов...

Хрустнула ветка.

Старлей тут же рухнул в кучу строительного хлама, схватил кусок арматуры и откатился к чахлому, сплошь в радужных пятнах бензина, ручью.

Тушканчег среагировал быстрее. Что-то чвякнуло, хряпнуло, сверкнула молния – с кустов метрах в десяти от пришельца осыпалась листва. С полусекундной задержкой опали

ветки, обнажив комсостава в компании троих умников, скованных длиннозвенной оцинкованной цепью.

– Метр цепи два евро! – Комсостав сделал вид, что ничего из ряда вон не случилось, что противник каждый день расстреливает его из оружия неизвестной марки и принципа действия. – На цепь я самолично потратился! Надо бы компенсировать...

Тушканчег презрительно хмыкнул, что-то пробурчал в ответ и, вжикнув катушкой, выпустил хвост на максимальную длину. Втянул шипы. Обхватил оптоволоконном и силиконом безразличную ко всему троицу, нежно так, по-родственному, и – пыхнуло пламя! – взмыл в атмосферу, которая, кстати, была уже не ахти из-за тумана. Три тела на буксире. Сложная конструкция на мгновение зависла в воздухе над бойцами ВКС, после чего шумно стартовала к высотам Стены.

– Скатертью дорога, ур-роды! – процедил комсостав.

Старлей воздержался от комментариев. Он принялся шарить в обломках кирпича, отгребая в сторону битую черепицу и рулоны ржавой жести.

– Чего ищешь? – спросил комсостав.

Старлей подумал и решил проигнорировать устав. Стандартный набор из двух фраз не уместен, когда речь идет о высококалорийной жратве.

– Тушенку. Три ящика. Тварь ушастая сказал: по ящику за рыло...

– А. Ну-ну. Ищи. А чего? Вдруг... чудеса случаются, мало ли... – хмыкнул комсостав, сорвал травинку и воткнул в карие нижних резцов.

Старлей тут же сообразил, что старается напрасно.

– Тушенку куда дел, гад?!

– Время не вышло, а ты борзеешь... Нэ кажи гоп... Рано, воин, рано...

– В самый раз. Тушенка где?!

– Поделишься?

– А то. Готовься: и пивка ты у меня попьешь, и отлив почистишь! – Старлей скорчил зверскую рожу, напряг желваки.

– Поделишься? – Комсостава было не пронять.

Старлей нехотя кивнул:

– Ага, бля, куда ж без тебя, халявщик.

– Чья бы рычала... Я ж водочкой угощу, повышение у тебя все-таки. Сколько можно это sake пить, а? Мне закупщики городские подогнали, спасибо вертолетчикам. Бартер – тонна омедненных гвоздей на ящик бухла. Мотай на ус, пригодится. Мне когда предыдущий комсостав – он потом умным оказался, на тушенку поменяли, – он мне должность сдавал и все подробно раскинул, куда и как армейская система действует. Живи сам, а другие потом поживут. В свое время. Ротация кадров – великое изобретение... э-э... человеческого разума...

Двинули к блокпосту.

У КПП на требование выделить сигарету, а лучше две Старлей оскалился, как сорвавшаяся с троса сабаачкаа, и послал вымогателей на. Вымогатели, открыв рты, на секунду замешкались, после чего исчезли в караулке и больше не маячили.

– Накатим?

– Закусим?

– Значит, и накатим, и закусим!

За дверями склада противогазов коптила лампада – нитка, подсолнечное масло, консервная банка, на алой этикетке желтые буквы: «Килька в томате». Источник света установили на ящике, накрытом куском полиэтилена. Замусоленные карты слоились и липли к пальцам, не желая раскрывать секрет своего достоинства – король или валет?

А может, дама?

Играли в преф на сигареты. Конечно, с третьим «болваном» не по кайфу, но все-таки.

– Ты к Федору из второго взвода присмотришь и к Азамату. Джон, этот боров натовский, доверия не внушает. Вот помяни мое слово, паря, скоро проявятся они, умники херовы!.. – Комсостава скрипнул щетиной подбородка. – Шесть пик. Ты мне тогда баночку тушенки выдели, а? За наводку?

– Умники, да уж. То есть тушканчегии? Вист. – Старлей принципиально игнорировал продовольственные намеки.

– А какая, на, разница? Лишь бы твари ушастые тушенку в обмен давали. Да побольше. Жрать-то хочется!

Старлей кивнул: и то верно, никакой и хочется. Завтра он проснется похмельный, и все будут называть его комсоставом. За глаза. А в лицо – орать: «Так точно!» Но это завтра. А сейчас пора баиньки.

В замочную скважину сочилась струйка зеленого тумана.

– Надоело. Все равно я выиграл. Заранее. Есть возражения? Нет? Ну и чудно.

Старлей откинулся к стене, поднял воротник и просунул пальцы в рукава драного камуфляжа. И тут же засопел, открыв рот.

Как обычно, снилось серебро трех лун и зарево пылающего мусора.

Родина. Стена размером с планету.

КИЛЬКА В ТОМАТЕ

– Ыба?

– Селедка!

*К/ф «По семейным
обстоятельствам»*

– А вы знаете, что тушканы открыли завод по консервированию человеческого мяса? Укрытые енотовыми мехами плечи хозяйки салона задрожали от ехидного смеха. Из-под енота посыпался обильный тальк.

– Ах, душечка, зачем же им завод? Их Ковчег – это и есть большая консервная банка. Они туда заманивают простаков и замораживают в космическом вакууме. У них на орбите Плутона пищевой склад, население множества планет. На все вкусы, так сказать... Кстати, я слышала, вы с мужем подали документы на репатриацию?

Ее собеседница возмущенно задохнулась и, взметнув подол черного платья, направилась к столу с напитками. Стоящая рядом молодая художница-авангардистка хмыкнула:

– Дорогая Софья Павловна, ну у вас и воображение. Ну какой же Ковчег – консервная банка? Ведь из консервов надо кислород выкачивать. Что же они, насосом качают? А если не выкачать, заболеешь ботулизмом и как пить дать умрешь. Нет, непременно завод, с огромными крюками под потолком, на них кровоточащие тела... Сырое мясо – это так рельефно, кровь, желтые глыбы сала. Дикая материя.

Максик вздохнул и пошел к столу вслед за первой теткой. Та уже барражировала по залу, как особенно голодная касатка, – похоже, искала среди гостей сотрудника тушканского посольства, чтобы осведомиться о судьбе своего прошения.

У стола стоял недружелюбный официант в смокинге. Увидев Максика, он скорчил недовольную рожу и демонстративно отвернулся.

– Коньяку, пожалуйста, – вежливо сказал Максик.

– Нету коньяка.

– А что есть?

– Сами не видите? Водка, джин, кола, апельсиновый, яблочный сок.

– Ну давайте водку с апельсиновым соком.

Официант плеснул в стакан водки с таким выражением лица, будто его поставили здесь разливать помои для особенно дурнопахнущей популяции скунсов. Максик принял стакан, не говоря худого слова, вытер забрызганный соком пиджак и пошел прочь. Сквозь толпу к нему уже пробивался кто-то знакомый. Высокий. Черный плащ нараспашку, в руке – узкий бокал.

– Кир! Ну ты вездесущий!

– Вечер только начался, Максик, а ты уже ругаешься.

– Все шутишь? Ты лучше скажи, где шампанское достал. Мне этот мудацкий пингвин даже водки пожалел. Вот всегда так: тебе шампанское, мне дерьмо.

– Не делай преждевременных обобщений. Я знал, что хозяйка – скряга, и прихватил бутылку с собой.

– Ну?

– Баранки гну.

Кир порылся в плаще и извлек початую бутылку розового мускатного. Оттуда же добыл второй бокал.

– Пошли-ка на балкон. Душно тут.

Они с трудом протолкались к балконным дверям – то есть это Максик с трудом, Кир просачивался всюду, как керосин.

На балконе и вправду оказалось прохладней. Внизу было черным-черно – комендантский час, затемнение. Только далеко, над портом, перекрещивались лучи прожекторов. Отслеживали тушканские корабли.

Кир поставил бутылку на широкие каменные перила, протянул Максику наполненный бокал. Максик с благодарностью вдохнул тонкий аромат муската. Водку вместе со стаканом очень хотелось отправить вниз, но Максик сдержался. Вдруг там идет старичок с палочкой? Хотя, конечно, никаких старичков на улицах не было, а если и были, их давно задержал патруль.

Кир обернулся к Максику:

– Ну как, вышло что-нибудь новенькое?

– Подборка вышла в «Младости». Почитать?

– Зачти.

Кир одним глотком высосал шампанское и налил себе еще. Максик откашлялся и прочел с выражением:

Я поэт, зовусь Незнайка. У меня есть х**.

Подождал реакции и, когда ее не последовало, добавил:

– Критик Латунский говорит, концептуально очень. За звездочками могут таиться многие смыслы, воображение читателя играет. Обещал разнос устроить в следующем номере Газеты.

Кир опустошил бокал и кивнул:

– Правильно говорит. Х** – это всегда концептуально. Но я бы на твоём месте тему все-таки развернул. Например, так: «Я п**, зовусь Н**, у меня есть х**». Тогда воображение читателей заиграет еще яростней.

Максик подумал немного, потом достал блокнот и записал.

– Ничего, если я без копирайта?

Кир хлопнул его по плечу (Максик отчаянно прижал к груди бокал – не дай бог, выплеснется, где по нынешним временам еще шампанского достанешь) и добродушно ответил:

– Ничего. Дарю. – Потом посерьезнел и добавил: – Вот что. Ты ведь у Веньки на дне рождения будешь? Надо мне от тебя статейку, и хорошо бы, если в Газету... Подробности там расскажу. Приходи.

«Ну вот так всегда, – подумал Максик, быстро заглатывая шампанское, – никогда просто так не угостит, шельма».

За спиной, в салоне, раздался звон – это касаткообразная тетка, поймав наконец-то тушканского консула, повалила его на стол с напитками и принялась соблазнять натурой. Консул верещал не по-русски и махал толстыми лапками. К тетке спешила охрана.

Прожекторы над портом налились малиновым светом и замигали в сложном ритме.

– Опять их кризоргские диверсанты захватили, – заметил Кир. – Своим сигналият, негодники.

С моря потянуло сквозняком. Приближался рассвет.

Ирка с Венькой лизались на диване – вспоминали добрые старые времена, не иначе. Ирка временами отрывалась от Веньки, облизывала губы и оглядывалась на Кира – ревнует, нет? Кир не ревновал. Кир задумчиво перебирал кассеты. Допотопный магнитофон жевал что-то вроде французского шансона, и непонятно было – то ли это и вправду французский, то ли пленка настолько истерлась, что уже просто не различишь слова.

Максик вошел, отложил в сторону букет и бутылку и сразу устремился к столу с бутербродами и тортом. У стола, пригорюнившись, сидел Вовка и перебирал струны гитары. Пел блатное, жалостное, странным образом сочетающееся с бурчанием магнитофона. В блюде перед ним дотлевал бычок, в стакане выдыхалась водка. Максик схватил сразу два бутерброда, с колбасой и бужениной, и первый уже запихнул в рот, когда его перехватил Кир.

– Выйдем, покурим?

– Да я только что зашел.

– Выйдем.

По пути к двери Кир ушипнул за зад пухлогубого юношу-визажиста и прихватил с подноса стакан с гранатовым соком. Юноша залился звонким девичьим смехом. Ирка, оттолкнув Веньку, соскочила с дивана и ломанулась на кухню – то ли плакать, то ли глушить водку.

– Хорошая девка. Чего ты с ней так?

– Not your fucking business.

Кир распахнул дверь и вытолкнул Максика на лестничную площадку. Максик покорно вытолкался. Бутерброд с бужениной он спрятал в карман.

На площадке Кир уселся прямо на ступеньки, поставил стакан и похлопал по бетону рядом с собой. Максик вздохнул и тоже сел, оберегая пальто. Кир вытащил из кармана паке-тик с травой и ловко скрутил косяк. Затянулся, передал Максику. Тот вдохнул и закашлялся. Слезы брызнули из глаз.

– Ух ты, крепкая.

– А то. Друг один выращивает. Он с Кемерова...

Максик глянул непонимающе.

– Там первый корабль тушканский сбили, помнишь? Все пожгли – и корабль, и экипаж. Дружбан мой, не будь дураком, угольков на пепелище набрал и зарыл под теплицу. Трава после этого мощная полезла. Мутант.

В голове у Максика слегка поплыло. Он снова курнул. На сей раз пошло хорошо, и Максик радостно захихикал. Кир отобрал у него косяк.

– Не увлекайся. По первому разу может совсем башню снести, а башня твоя мне еще пригодится. Вот, соку попей.

Максик глотнул сока, приятного, терпко-сладкого. В голове немного прояснилось. Он нахмурился, вспоминая.

– Ты хотел чего-то. Про статью в Газете.

– Ага. Напиши-ка ты мне статью... Статью про то, как тушканчегии открыли завод по консервированию человеческого мяса.

– А они че, и правда открыли?

– А тебе какая разница? Напиши так: весь Периметр – это и есть завод. Одна огромная консервная банка. Стена – стенка банки. А когда прихлопнут сверху крышкой, тут-то и придет полный пиздец. Сделаешь?

Максик почесал в затылке.

– Сделать могу. Но глупо как-то. В Периметре же тысячи километров. Потом, из банки надо кислород выкачать, иначе ботулизм там заведется. А как с тысячи километров выкачаешь кислород?

– А ты придумай как, на то ты и писатель. Творец. Используй воображение. По мне, хоть велосипедным насосом, главное – читателя убеди.

Максик вздохнул еще раз и кивнул:

– Ладно.

– Вот и отлично. Другого от тебя не ждал.

Максик встал со ступеньки и направился к двери квартиры. Кир сзади окликнул:

– Эй, ты куда?

– В смысле? К Веньке.

– Мне статья послезавтра нужна. Давай, нечего тут время терять, дармовыми бутербродами отъедаться. Получишь гонорар за статью – свои жрать будешь, хоть с икрой. Хорошая статья будет, еще кое-что тебе сверх гонорара заплатим.

– Заплатим?

Макса смутило не само предложение, а множественное число. Кир у них в компании считался одиночкой. К тому же в голове окончательно прочистилось, и зародились вопросы.

– Тебе эта статья вообще зачем нужна?

Кир усмехнулся:

– А так, по приколу.

Странный приколу. Все еще почесывая в затылке и недоверчиво покачивая головой, Макс стал спускаться по лестнице. На нижней площадке оглянулся. Свет стоваттной, неизвестно зачем вкрученной в грязный патрон лампочки ослепил глаза – и на мгновение Макс показалось, что Кир на лестнице не один. Что стоит там еще кто-то, низенький, толстоватый, с лицом, похожим на блин. Впрочем, проморгавшись, Макс блиннорылого не обнаружил.

«Показалось, наверное», – меланхолично подумал он и полез в карман за оставшимся бутербродом.

Максик сидел на своем чердаке и пытался писать статью. За окном моросило. На подоконнике, по ту сторону стекла, расселась наглая сойка. В клюве у нее был зажат желудь. Птица все пыталась пропихнуть желудь в щель под рамами, но желудь в щель не лез. Наконец сойка выронила желудь, злобно тюкнула клювом по стеклу и, заругавшись, улетела. Максик потеплее завернулся в плед и продолжил строчить:

Наш корреспондент, умело замаскировавшийся под кризорга (в сноске: кризорги – научное видовое название тушканчеггов), проник на завод. Открывшееся ему зрелище поразило его до глубины души. Под потолком скользили огромные ржавые крюки. На крюках покачивались человеческие тела. Всюду растекалась кровь. Женщины, старики, младенцы – кризорги не знают жалости. Бледные безжизненные останки тех, кто еще вчера смеялся, любил, укачивал детей... даже закоренелый преступник, маньяк, на счету которого десятки жертв, содрогнулся бы от ужаса. Наш корреспондент с риском для жизни сделал несколько фотографий скрытой камерой, спрятанной в искусственном пятом пятке левого мандибула...

«Надо будет Толяна попросить смастерить какую-нибудь дрянь в фотожабе», – подумал Максик и потянулся к чашке с кофе. Небо за окном слегка расчистилось. Серые туши домов зазолотели вечерним светом. Максик закрыл файл со статьей и с отвращением отодвинул лэптоп.

Стихи. Вот то, что он хотел писать. Слова, пронизанные страстью, полные смысла, рвущиеся из глубины души слова. Вместо этого он пек одну за другой заметки в Газету, и изредка, по дружбе, редактор «Младости» печатал что-то из его старого творчества. Но старое творчество уже не устраивало Максика, а новых стихов не было, будто закупорило внутри у него какой-то источник, будто выросла сплошная стена – куда там тушканчегам со своей жалкой постройкой.

«Слова, – сказал Максик, глядя на отклеивающиеся полосами обои. – Слова. Дрова. Трава. А хорошая у Кира была трава. Тьфу. Слова – не права. Мурава. На мураве лежит вдова, над ней шуршит листва. Я говорю – и раз, и два, еби меня, вдова. Вдова сурова, как братва, и отвечает: “Черта с два”. Тьфу».

С отчаяния Максик даже полез в словарь рифм, но и словарь ему не помог – потому что, кроме рифм, в стихе должен быть и смысл. А смысла Максик не видел, хоть убей. Наконец, чуть не заплавав, стихотворец отбросил ручку (машинным письмом он поэзию осквернять не решался и стихи записывал только в блокноте) и рухнул на кровать. За окном опять задождило. Вернувшаяся сойка сказала «тиу-тиу» и, распушив красное горловое оперение, запела сольную арию Фауста из «АиДа».

Через два дня статья вышла в Газете. Толян, вдохновленный идиотичностью задания, налепил в фотожабе таких картинок, что даже у Максика волосы в паху стали дыбом.

– Крюки, – яростно хихикая, говорил Толян, – это ты хорошо придумал. Но механистично. Лучше... – И на экране появился чудовищный тушкан, в крючковой конечности которого бился пухлый человеческий младенец. – Блин, не представляю, какие идиоты на это купятся.

Максик тоже не представлял, поэтому с удовольствием отправился пропивать гонорар в «Чинарике и свинксе». Там он узнал, что в город вернулась Анжела, и под ложечкой привычно и тоскливо заныло.

Анжела была потаскухой. Потаскухой в классическом, первоизданном смысле этого слова. Вплоть до того, что давала за деньги. Впрочем, давала и просто так, и непонятно совсем, по какому принципу она выбирала – кому дать, а кому нет. То есть за деньги она давала всегда, но денег у Максика отродясь не водилось. А дать за так она Максиму не хотела. Неясно почему – был он кудряв, хрупок, золотоволос и похож на севшего на диету сусального ангельчика или даже – немного – на великого поэта земли русской С. Есенина. Девушки его любили. Анжела – нет. Яркая, по-цыганистому красивая, то ли молдаванка, то ли грузинка, то ли вправду цыганка, она не отлипала от Кира, вызывая у Ирки злые слезы, ласково похлопывала по щеке Веньку, ложилась под Вовку и под Старлея. Она даже Игреку дала однажды, потом говорила – спьяну, но Максик знал, что она не пила. Вообще. Максиму казалось, что Анжела блядствует специально, чтобы еще больнее его ранить. Сначала стихи. Потом Анжела. И стихи, и Анжела принадлежали другим, вот в чем беда. А кто виноват? Да кто угодно, хоть тушканчеги. Максик допил пиво в «Чинарике», с каждой секундой все больше ненавизя оккупантов. После пятой кружки (подсевший к нему добрый незнакомый пьяница старательно подливал в пиво водочку) Максик явственно увидел стоящего в дверях огромного крюкорукого тушканчега. На тушканской кривой руке висела Анжела и влюбленно смотрела на чудовище. Максик зарычал, отодвинул кружку и выбежал из бара. На улице вечерело. Бормоча под нос, Максик пошел через дворы к Анжелиному дому. Наверное, он заблудился, потому что попал в какой-то парк, где ветки отстегали его по лицу, а потом, совсем уже измученный, вывалился на проспект. На проспекте было ярко. Все освещало рыжее зарево. Пламя плясало над тушканчegovым консульством, как грива взбесившегося жеребца. На мостовой перед консульством собралась толпа, где-то в другом конце проспекта выла пожарная сирена. Макс протиснулся ближе к зданию и тут же отшатнулся – в лицо дохнуло жаром. Полыхало уже основательно. Было ясно, что пожарники не успеют.

– Чего это, а? – спросил Макс у стоявшего рядом старичка с палочкой.

– А как же, милый? Оно так надо. Твари проклятые младенцев мордуют. Не попустим! И старик, размахнувшись, вдруг швырнул свою палку в пожар.

– Каких младенцев? О чем вы говорите, папаша? Они и мухи не тронули, наоборот – спасают заблудшее человечество от экологической катастрофы. И еще этой... гуманитарной.

К Максиму обернулось злое худое лицо. Старик здорово походил на козла.

– А как же, – проблеял козел. – Статья вышла. В самой Газете статья. Газета – рупор творческой интеллигенции, не листок бульварный какой. Врать не будет.

На верхнем этаже консульства зазвенело стекло, и в окно выбросился тушканчег. Маленькое толстое тело летело к земле, нелепо размахивая короткими лапками. Потом оно ударилось о мостовую и больше не двигалось.

– Ну то-то, – миролюбиво сказал старик. – А то ишь!

Максик взялся за голову и пошел прочь от пожара.

К Анжеле он все-таки добрался, но уже на следующий день. Шел через парк. На центральной площадке, где утром обычно играли дети, а ближе к вечеру бухали подростки, кособочилась импровизированная трибуна. Маленький человечек на трибуне бил себя в грудь и воздевал к небу кулак. Выплывая длинные нити слюны, он кричал:

– Женщины, старики, младенцы – кризис не знают жалости! Бледные безжизненные останки тех, кто еще вчера смеялся, любил, укачивал детей... даже закоренелый преступник, маньяк, на счету которого десятки жертв, содрогнулся бы от ужаса. Не допустим! Остановим космическую чуму! Отбросим эту мразь от порогов наших домов туда, откуда она приползла! Только наша мягкотелость и позволила...

Максик боязливо обошел столпившихся перед трибуной. На какое-то мгновение ему показалось, что он различает в толпе лицо Блиннорылого и его поросшие черным волосом огромные кулаки. Один кулак приподнялся, задрался большой палец – и Блиннорылый подмигнул Максиму. Тот шарахнулся в сторону, чуть не сбив с ног старичка. Старичок заругался и погрозил длинным кривым когтем – ведь палки у него уже не было.

Уже на подходе к Анжелиному дому стоял уличный ларек, где обычно торговали арбузами. И сейчас в дощатой клетке валялись арбузы – зеленые полосатые пленники. Как будто они могут взять и укатиться восвояси, подумал Макс. Или, наоборот, это арбузы-лимитчики, без паспорта и прописки ломанувшиеся в Город на заработки и тут же угодившие в обезьянник? Макс даже прикинул, а не купить ли арбуз, но являться к Анжеле с арбузом было попросту глупо. Когда он уже отходил от ларька, его ухватил за рукав продавец.

– По дешевке, – зашептал продавец, обтирая руки грязным передником и почему-то оглядываясь, – последняя осталась. Из вчерашней партии.

– А? – глупо спросил поэт.

– Банка. С тушканскими консервами. Настоящая человечина. Деликатес, эксклюзив. Удивите свою девушку. Берите, не пожалеете.

Макс подумал, достал из кармана кошелек и купил банку. На банке не было этикетки, и под плоской жестяной крышкой могло таиться что угодно – хоть алмазы Кара-шаха.

Как ни странно, Анжела оказалась дома и даже открыла дверь. Она была в розовом халатике и ненакрашенная, наверное, после ванны. И очень красивая. От нее так и расходилось тепло.

– Ну? – Глаза-вишни неласково взглянули на Максика. – Чего приперся?

Максик глупо ухмыльнулся и вытащил из кармана банку.

– Представляешь, купил по случаю. Очень дорого.

– Это что? Сардины?

– Какие сардины. Настоящая человечина. Тушканские консервы, эксклюзив. Наши спецназовцы отбили у тушканчегов обоз, там было две сотни таких банок. Один из наших спрятал парочку. Семен, ты его не знаешь. Продал мне потом. Задорого. Скотина, мог бы другу и скостить, но я честно заплатил, ведь рисковал парень. Могли поймать. Тогда бы точно посадили, лет на десять, как минимум.

Где-то на середине своей речи Максик уже жалел, что не соврал поумнее – например, что банку он на заводе похитил сам с великим риском для жизни, переодевшись Чужим.

Анжела моргнула, потом спросила подозрительно:

– А деньги у тебя откуда взялись?

– Я стихи новые в «Младости» напечатал.

– Опять про Незнайку?

– Нет. Про любовь. Тебе посвятил, между прочим.

Анжела еще чуть-чуть постояла, закусив губу, а потом постороилась:

– Заходи, что ли.

Банку торжественно вскрыли на кухне. Анжела выставила на стол привезенную из дома бутылку коньяку «Бледный аист», вытащила хитрый консервный нож из буфета. Максик волновался. Долго не мог разобраться, как действует нож. Наконец Анжела отобрала у него открывашку и сама вскрыла банку. В банке были кильки. Самые обычные кильки в томате. Они осуждающе глядели на Максика черными глазками, будто говорили: «Ну и дурак же ты, Белецкий Максим Эдуардович».

Весь вечер Максик отстирывал с рубашки томатный соус. Стиральной машины у него не было, полоскать пришлось под краном. Максик тер рубашку твердым хозяйственным мылом и думал: это даже хорошо, что Анжела запустила в него банку. Хорошо, что она разозлилась. Могла бы просто посмеяться. Если разозлилась – значит, он ей все-таки небезразличен. Значит, где-то в глубине души она допускала возможность, что Максик, нелепый и неудачливый Максик все же может притащить ей банку с настоящей человечинкой с самого настоящего тушканского завода. Эта мысль настолько вдохновила его, что он достал блокнот и ручку и написал стихи:

Анжелка-клубника, меня обними-ка.
Я весь твой.

Ложась в постель, он блаженно улыбался. Стена если и не исчезла, то основательно пошатнулась. Все еще будет хорошо.

Утром, как всегда, его разбудил гудок. За окном стоял густой туман. Максик долго тер глаза, плеснув в лицо холодной воды – горячей по утрам не давали. Вышел из дому и отправился к городской окраине. Из соседних подъездов появлялись люди, мужчины и женщины, и двигались в ту же сторону. Вскоре Максик шагнул уже в плотной толпе. У проходной завода уже выстроилась длинная очередь. Потоптавшись с четверть часа, Максик наконец отметил пропуск. Пошутил с дежурной, пока та составляла опись его одежды и личного имущества. В раздевалке переоделся в рабочий костюм: халат, колпак на голову, тапочки и перчатки. Прошел с остальными в зал и встал на свое место у конвейера. Через несколько минут подали первое тело. Максик привычно отпилил электроножом кусок, и заготовка уползла к следующему рабочему. Из отпиленного куска Макс аккуратно вырезал рыбку, приклеил черные бусинки-глаза и швырнул получившееся в чан с томатным соусом.

КАРТОФЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

Хороший самурай – мертвый самурай!
Муцухито, 1868

Радовались, как киндерята в детском саду без присмотра воспитателей в тихий час.

Старлей пожертвовал три ящика тушенки. Майор дал добро – склад опустел, вытащили все саке. И не какое-нибудь футцу-сю, но продукт с этикеткой «Болотный журавль». И конечно, упились и перебили токкури. Зато сколько счастья было в глазах воинов, сколько задора и огня! Обреченные на битву, они обнимались и целовали сержантов в обветренные губы. А сколько загрубевших мужских ладошек было отбито о дружеские плечи? Двое особо трезвых бойцов, отдавая честь, пели гимн Земной Конфедерации. Бренчали по очереди на гитаре. Особист, придурок, повязал на лоб хатимаки с нарисованными кровью иероглифами, очень похожими на серп и молот. Фейерверк устроили грандиозный. Начальство разрешило, чего б и не устроить?

А все потому, что однажды утром по радио почти передали, что началась война.

Но сначала вошло солнышко, и только потом было построение на плацу. Обычно спокойный, майор нервно вышагивал вдоль пятнистого строя, будто топ-модель, демонстрирующая последний, модный фрак цвета хаки. Бритый затылок майора венчал высокий цилиндр с надранной кокардой – два венка, между которыми на старте запутался серебристый блэк-файтер.

– Сцуки... – неуверенно кашлянул майор. – Вот ведь...

Воины, выпятив грудные клетки и задрвав подбородки перпендикулярно горизонтали, с беспокойством внимали речам командира, прибывшего в часть пару недель назад.

Появился майор с шумом, напевая «Калинку-малинку» и предлагая выпить с ним на брудершафт, хотя при себе не имел ни грамма алкоголя, да и не пахло от него тем самым специфическим ароматом. Он выпрыгнул из кабины штабного джипа на воздушной подушке, сунул водиле купюру непонятного достоинства и блатной походкой двинул в сторону КПП. Одет майор был в гражданский джинсовый костюмчик с медными пуговицами. На черной бейсболке красовалась надпись: «NYPD». Он поднырнул под шлагбаум и спокойно себе протопал мимо ошалевшего от такой наглости пулеметчика. Воин даже привстал из-за мешков с песком и вместо уставного «стой! кто идет?», глупо улыбаясь, спросил:

– Эй, ты чего?

– Ничего, – ответил майор, сдвинув бейсболку на затылок. – А что?

– Так ведь нельзя. Военный объект! – И прежде чем странноватый мужик успел привести хоть какой-нибудь довод в оправдание, поинтересовался: – Слышь, закурить есть?

– Есть, – ответил майор и шагнул к пулеметчику. – Каска у тебя такая...

– Какая?

– Да никакая! – хохотнул майор, выхватил из-за спины пистолет и выстрелил солдату в голову.

К слову сказать, майор оказался прав: каска была именно никакой, склепанной из вторичного металла в третью смену пьяным рабочим. Старлей потом написал матери погибшего, что тот честно исполнил свой долг, не позволив агенту временно союзного государства проникнуть на территорию части.

– А почему временно союзного? – удивился майор.

– Потому что бейсболка. Америкосов мы потом вздрючим, после победы над внешним врагом.

Но тогда на шум сбежалась вся часть. С ломами явились, лопатами и даже приволокли пару мешков с цементом, будто собирались дать отпор противнику, быстро замесив раствор и залепив ему дыхательные пути и прочие функциональные отверстия.

Не дожидаясь, пока все соберутся, майор с трофейным пулеметом наперевес заглянул в одноэтажное кирпичное здание, что располагалось возле бело-красного шлагбаума. И никого не обнаружил. Караул нес свою службу где угодно, но только не там, где должен был.

– А-а-атличненько! – обрадовался майор.

В ответ толпа угрожающе взмахнула инструментами и мешками.

– Кто главный? – миролюбиво спросил убийца молодых парней в хреновых касках, выпустив поверх голов очередь из пулемета.

Естественно, главного тут же изловили, хоть тот и пытался спрятаться за спинами сослуживцев. Молодого человека с лицом цвета ватмана формата А4 вытолкали к странному мужчине в бейсболке.

– Имя?

– Старлей...

– Зовут, говорю, как?

– Старлей... – Голос перепуганного насмерть парня едва прорывался сквозь сжатые в ниточку губы.

– Ну-ка, дружок, давай поближе. Стань так, чтоб свет от прожектора падал на твою гнусную рожу. Ба! Кого я вижу! Мой любимый курсант Василий!

Старлей вздрогнул, услышав свое, уже смутно знакомое имя, и испуганно оглянулся, обратил ли кто внимание? У воина ВКС нет фамилии-отчества, есть лишь звание, долг и возможность в скором будущем умереть за Родину.

Он робко взглянул в лицо мужчины и отшатнулся. Словно током в темечко шарахнуло: майор! Кого Старлей меньше всего ожидал увидеть у Стены, так это закрепленного офицера из учебки, при появлении которого у курсантов случались сердечные приступы и недержания мочевых пузырей.

– Так точно!

По каким-то своим особым причинам майор (вот не повезло!) почтил своим вниманием энскую часть ВКС, которую в тот же вечер и возглавил, похерив передовой опыт тушканчегов и демократию. Васька Старлей успел побыть комсоставом чуть менее суток, переселившись из отдельного домика рядом с плацем обратно в казарму. Очень хорошо, что власть сменилась до того, как Старлей успел привить подчиненным стойкое чувство ненависти к своей персоне. А то сейчас бы, как Бандеровец, сидел у параша и хихикал без остановки пятый час подряд. Только Бандеровец лишился регалий, ему сразу проломили череп в трех местах. После бурного обсуждения тело таки поместили в реанимационную машину, предварительно нанеся на раны йодовую сетку. К обеду Бандеровец более-менее очухался, только икал все время и лопотал что-то на гуцульском наречии, понятном разве что пастухам на карпатских полонинах. А Старлей, вступив в должность, надрался, как прапорщик в законный выходной, и завалился спать, похерив новые служебные обязанности и совершенно не испытывая угрызений совести по сему поводу. Дрыхнуть под топот марширующих на плацу «духов» невероятно сладко...

Майор, выявив главного, приказал найти и привести к нему бойцов, назначенных в караул у КПП. Через минуту перед ним стояли трое.

– Хорошенько избить, связать и поместить в холодильную камеру, ежели в части таковая имеется.

Старлей робко поинтересовался: избить – понятно, а на кой их в камеру? А чтоб не протухли, сказал майор, если, исполняя приказ, кое-кто проявит излишнее рвение.

Холодильная камера в части имелась. Правильная камера, мобильная, как и все, что необходимо для скорого свертывания и переброски лагеря в новую горячую точку дисклокации.

– Свяжись с тушканчегами, скажи, что есть для них человечина. Три штуки. Взамен потребуй пару литров пива. И нормального пивка, а не мочу безалкогольную. А то знаю я эти шуточки. Понял, воин?

– Так точно! – без энтузиазма пискнул Старлей, ибо майор рисковал изрядно продешевить по нынешнему умнико-тушеночному курсу. – Я извиняюсь, а чего так мало просим?

– Васенька, ты дурак или куда? – Наставник присел на койку, стянул кроссовки, бросил на табурет джинсовую куртку. – Это ведь наши парни. Долбоебы еще те. За них консервов не дадут. Дай боже, чтоб пива не зажали, мне страсть как хочется пивка с дороги.

Под кроссовками у майора были правильные кирзачи, под джинсой – камуфляж.

В тот вечер Старлей опять чистил отлив...

И вот сейчас, стоя на плацу и проклиная родителей за то, что они вообще занимались пихи-пихи, Старлей ждал, когда майор наконец родит текст. Ибо слишком уж затянулась долгая, мучительная пауза после слов: «Сцуки... вот ведь...» И лучше бы Старлей не дождался, ибо майор вскарабкался на небольшую переносную трибуну, постучал по микрофону – ожил громкоговоритель на столбе, и выдал традиционное «раз, два, раз». После чего просипел: «Готовьтесь, воины, сейчас вы прослушаете в прямом эфире сенсационное заявление. Еще никто не знает, о чем будет речь. Даже я. Вот ведь сцуки...» Динамик заскрежетал, оборвав последние слова майора, и выдавил из себя звуки браваурного марша. Потом что-то хрюкнуло, взвизгнуло, из громкоговорителя повалил дым, запахло жженой пластмассой. «Твою мать! – Майор стянул с головы цилиндр и вытер ладонью гладко выбритую лысину. – Все самому делать приходится. Что я вам, грузчик из овощного?.. Равняйсь! Смирно!»

И все уравнились и смирились.

Саке, парадные кимоно с аксельбантами, штук двадцать самурайских мечей на подставках. Все это плюс кучу малу разного хлама оставили по наследству бывшие охранители и защитники этих мест – контингент Империи Ниппон-коку.

Без нихондзинских товарищей ни один военный конфликт в мире не обходится. Прям затычки в каждую горячую дырку, пардон – точку. Миротворцы, ёлы. Петарда взорвется, стрельнет в последнем акте автомат, висящий на стене сакли, или какой борец за независимость, надкусив в схороне шмат сала, проорет о славном прошлом УПА, – японские принудители к миру уж тут как тут. Кланяются, чай пьют и голыми пятками кирпичи ломают. Хобби у них такое – пятками. Кстати, вместо чая и перцовка сгодится. А мутный первач, разбавленный кипятком до нужной консистенции, сойдет за саке, если одолеет тоска по родине и провиант вовремя не подвезут.

В общем, япошки у Стены не скучали. Местные девки к ним частенько на суши заглядывали, жареных осьминогов пожевать и просто посидеть на татами, чтоб обнял самурай зазнобу нежно да накинул на плечи кимоно сплошь в медальках. А что, парни видные. Хоть и мелковаты везде, а проворные. Да, чурки. Да, по-нашему ни бельмеса. Зато есть возможность выйти замуж, иммигрировать в Японию и стать гейшей. Гейшам, говорят, хорошо платят. Почти как дояркам пятого разряда.

Сам Старлей, конечно, на посиделках миротворцев не присутствовал, но в подробностях слышал от тех, кто был в первой группе поселенцев. Говорили, лагерь был полностью разрушен, везде валялись обезглавленные трупы сельских красоток. И друг дружку самураи порубали в капусту. Квашеную, с клюквой. Это был первый официально зарегистрированный сход стенного тумана... Периметр и хозпостройки, конечно, живо восстановили – дня

за два. Но сначала пригнали десяток бульдозеров и парочку самосвалов, сгребли метр почвы и куда-то увезли. Вроде как на анализы. И вообще, стране не хватает чернозема.

Громадный ангар, где япошки хранили боевых роботов, поначалу хотели взорвать, а несущие толстенные балки распилить. Как раз очередное соревнование в войсках объявили – по сдаче макулатуры и металлолома. С макулатурой в ВКС никогда проблем не было, всегда можно конспекты воинов экспроприировать и плакаты по устройству автомата Калашникова, пистолета Макарова и РГД-5. И досыпать недостающие килограммы книжечками устава сухопутных войск – и порядок, норма, не хуже, чем у других. Зато с металлом в ВКС проблемы. Хорошо танкистам и летчикам: если приспичит, могут бээмпэшку или автожир на шурупы разобрать и отгрузить счастливым пионерам, чтоб те с гордостью доставили «ржавчину» на переплавку. А уж потом безмерно радостные работяги на заводе соберут броневик или БПЛА. А на крыле напишут белой эмалью: «Любимым воинам от любящих рабочих!» И все в шоколаде, а то и в майонезе. Главное, никто не скучает.

Короче, была такая мысль – ангар на нужное дело извести. Но тогдашний комсостав не позволил. Сказал, что помещение правильное, будем в нем картофель хранить. Если уж япошки умудрились роботов пристроить, то и мы «ариэллу» и «брянский деликатес» определить сумеем. Подчиненные, конечно, возражать не стали. Кто пасть откроет, того тут же в умники запишут и обменяют на тушенку. Да и какая разница? За перевыполнение плана по сбору металлолома солдатикам все равно ничего не обломится. А так хоть балки пилить не придется. К чему все это рассказано? А к тому, что...

– Чаю будешь? – спросил майор, дунув на коричневый кипяток.

– Буду, – обрадовался Старлей.

Но вместо того чтобы налить бойцу цейлонского крупнолистового и дать сахарку, майор поставил кружку на столешницу и вскочил с кровати, на которой лежали какие-то провода и запчасти. Всколыхнулся подпружиненный матрас.

– Вот послушай, воин, для начала... – Расхаживая по комнате и почесывая бритый затылок, он принялся по памяти читать стихи. Лицо его расслабилось, стало мягче, почти что добрым стало. Уверенный голос его звучал то высоко, то низко:

В конце всех песен и времен,
На горизонте вечной славы,
Под несмолкаемое браво
И треск пылающих знамен
Он плюнул вверх, попал в звезду
И молча с крыши прыгнул вниз.
Прощай, засиженный карниз!
Идите на хм-м... и в... э-э...

Майор закашлялся, остановился и осторожно, чтоб не обжечь пальцы, взял алюминиевую серебристую кружку и спросил:

– Ну как?

Старлей сдвинул кепи на лоб и почесал затылок – ему казалось, что, повторяя жесты командира, он и сам станет таким же сильным и серьезно продвинется по служебной лестнице.

– Куда пойти, я не понял?

– Это уж точно, ни хера ты не понял, – внезапно разозлился майор. – Да и куда тебе... мудрость веков... многих тысячелетий!..

Старлей пожал плечами и тоскливо посмотрел на коробку с голубоватой надписью «Рафинад» на белом фоне. Он решил перевести разговор на другую тему:

– Так это... что с роботом делать будем?

Майор мгновенно побагровел, на лице его вздулись желваки.

– Ты!! Ты!!.. Ты, кстати, не в курсе, как сделать так, чтоб мегафон после пары слов закоротило?

Старлей не знал. Пятясь к выходу и кланяясь, он почел за благо не мелькать вблизи от командира. Ибо! У двери он гордо выпрямился, козырнул и удалился, громыхая каблуками по дощатому полу.

Вечерело. Боец ВКС брел по асфальтовой дорожке в тени кленов, верхушки которых освещал прожектор на вышке. Вышку майор приказал возвести у левого фланга части, аккумулятор над оврагом – контролировать перемещения самовольщиков. Мол, участились случаи контакта с потенциальным противником. Несознательные воины ведут торг с тушканчегами, похищая из библиотеки чертежи баллистических ракет и схемы расположения пусковых шахт. Такую важную инфу – и сливать?! За бесценный чертеж – бутылку «Посольской» и банку кабачковой икры?! Минимум ящик надо брать. И две банки. И лучше бы с хлебом, ржаным. Короче, майор решил весь бизнес под себя подмять. Вообще лишить рядовой состав средств к существованию. Сцука!

В небе светили звезды и парили воздушные шары тушканчегов – разведка за деятельностью землян велась круглосуточно. Разведка должна быть тайной, а струи выхлопов демаскируют. Потому ушастые и затеяли возню с аэростатами. К тому же ведущими исследователями землян доказано, что чужаки, обнаружив на нашей планете развитое воздухоплавание и самолетостроение, испытали настоящий культурный шок. Обладающие способностью к полету, тушканчегии с удовольствием воспользовались услугами транспортной и гражданской авиации. Вот такой вот феномен. Правда, люди, имея возможность самостоятельно передвигаться по горизонтали, тоже садятся в автомобили, рискуя попасть в ДТП. Так что феномен весьма сомнительный, скорее подтверждение общевселенского правила.

Шагая по аллее, Старлей мечтал. Вот извлекут из ангара гигантского робота, а за роботом обнаружится гараж японских мотоциклов! И он, Старлей, выберет себе какую-нибудь шибко красненькую и скоростную «хонду», чтоб потом, ночью, когда никто не видит, разогнаться по плацу и проскочить КПП, и рвануть по серпантину. Только ветер в лицо, только свобода, только он и дорога...

Японцы, кстати, были ребята brave, хоть куда. Все они водили джипы-«тойоты», каждый привез с собой любимый байк «судзуки» или «ямаха». На джипах самураи раскатывали по бездорожью, добираясь до самых глухих деревенок, где приставали к молодежи, за что частенько бывали биты. В деревне Перепыхино (километрах в десяти от части), расплачиваясь иенами и баксами, покупали дальневосточные гости самогон, яблоки и квашеную капусту. Бабки, укутанные в платки с начесом, плевали им вслед, крестились и требовали в следующий раз башлять рублями, ибо дрожжи Василиса из продуктового за эти бумажки не отпустит, хоть подотрись ими в нужнике.

Поигрывая мечами перед местными парубками, хаживали воины-азиаты на дискотеки в перепыхинский клуб, аккуратно выбеленный снаружи и убогий внутри. Особенно сынам Страны восходящего солнца нравилось выплясывать под «Американ бой, уеду с тобой» и «Розовые розы Светке Соколовой». Вдоволь натанцевавшись и словав по бутылке самогона под вонючую капусту, самураи вскакивали на мотоциклы и устраивали гонки по «трассе», что взбурлилась от сельсовета до коровника. Дорогу ту в последний раз капитально ремонтировали еще во времена бровастого вождя народа.

В общем, самураи действительно презирали смерть, колхозных парней и бригадира комбайнеров Петровича. Последнего за то, что был он ярим поборником национальной идеи. Петрович видел узкоглазых миротворцев либо очень далеко от себя, либо хорошенько контуженными от побоев.

Старлей шел, мечтал, а потом внезапно вспомнил тот самый разговор...

– Робот у нас есть на балансе, м[é]ха который. – Майор стоял, заложив руки за спину и перекатываясь с пятки на носок. – Так япошки своих голиафов повышенной проходимости называют. Я в бумагах увидел, когда дела принимал. Чо ты на меня вылутился, как сопля на платок? Робот, я сказал, меха.

– А нам что с того робота? – Старлей знал, в чем суть вопроса, но тщательно косил под идиота.

– Э, не скажи. Интерес есть, еще и какой. Будем осваивать трофейную технику. Ты и будешь, Васенька. Но для начала надо ангар от говна очистить. А то совсем грустно там. И не трепаться мне!

В полный рост, если верить файлам по технике вождения и режимам эксплуатации, робот затягивал на двадцать два метра сорок три сантиметра, миллиметры на фиг. Оснащен он был тремя манипуляторами и двумя опорными конечностями с амортизаторами. Также в нем предусматривалась возможность гусеничного хода в случае потери одной, а то и двух опор. Вооружения надо коснуться отдельно. Прежде всего – двухсотмиллиметровая гаубица производства фирмы «Проктер энд Маузер» и спаренный с гаубицей тридцатимиллиметровый пулемет «Бимайкрософтлайн». Огнеметный шестиствольный блок «Киевстарбакс» заслуживает особого внимания. Дальше по мелочам: парочка лазеров-шмазеров и бластеров-компостеров, сляпанных в Тайване, Северной Корее и в п. г. т. Нижняя Кацапетовка. Навесное оборудование стандартное: принтер, факс, пара горшков для комнатных растений, пара – для естественных нужд, электролобзик, шуруповерт, кресло-качалка, портативная газовая камера, запасной биотуалет и так далее.

Но главное, робот, завернутый в брезент, лежал под многометровым слоем гнилого картофеля. Картофеля, пустившего бледные, белесые ростки. Вонь в ангаре стояла невыносимая.

– Мне б насыщенного биогенными элементами цеолита, катионообменника и синтетического анионита, с азотом в нитратной и аммонийной формах. Да емкостей подходящих. Да рассады двухнедельной хороших сортов, – вздохнул Бандеровец. – Я б тут устроил настоящую гидропонику, прибыльную, плодоносящую. А так... Сколько добра зазря перевели, бахнуть можно. Ой, людоньки, шо ж цэ такэ койтиться?! У нас, когда чернозема не стало, мы, знаешь, нашли выход из положения, мы...

Старлею лень было слушать байки о находчивости великого хохляцкого народа, загадившего чернобылями и авариями на коксохимках свою незалежную страну, в результате чего была решена проблема перенаселения и засилья нечестными на руку политиками. Слабые и шибко мудрые сдохли, а сильные и депутаты эмигрировали, оставив радиоактивную, изрядно хлорированную и отравленную диоксинами пустошь в покое. Поднимать ридну нэньку с колен довелось хитрым и жадным, то есть этнически выверенным. А все потому, что границы закрыли, податься людям было некуда.

Пришлось выжить.

– Слышь, – оборвал Бандеровца Старлей, – а ты чего в ВКС подался?

– Так ведь призыв... – набычился бывший комсостав.

– А точнее?

– Поймали, сцуки. Я бежать, а они за мной по болоту на узике. Как есть сцуки. Все вы, москали...

– Но-но!

– ...отличные парни.

Старлей остановился, резко развернулся и схватил разжалованного командира за грудки.

– Слушай, Бандеровец, ты откуда вообще?

– Из Харькова.

– Так какой же ты бандеровец?

– Уж какой есть... – всхлипнул тот, отводя взгляд.

– Ты ж по-русски без акцента базлать можешь. Правильно гутарить, без понтов этих сраных. Без этих, бля, целлюлитов и катяхообменников. Можешь ведь?! Как я?!

– Так точно, могу.

Старлей отпустил подчиненного, ладошкой расправил помятую ткань и довольно причмокнул:

– Ну ведь можешь, когда хочешь!

Заметив, что Бандеровец не разделяет его энтузиазма, Василий развил свою мысль:

– Короче, слушай мою команду. Раздобыть лопату и отрыть боевую технику. После чего, пох мне как, продезинфицировать помещение. Если сказано неясно – кому, кстати, неясно? – поясню. Воняет здесь. А надо, чтоб не воняло. Товарищ майор в такой обстановке работать не будет. А надо. Задача ясна? Не слышу?!

– Так точно! – щелкнул каблуками Бандеровец.

Но сделал он это как-то совсем безрадостно.

Плохо, подумал Старлей, может не справиться. Нужен стимул какой-нибудь, чтоб у бойца интерес к общественно полезному труду появился. Чтоб не из-под палки работал, но ежесекундно осознавая значимость своей миссии. Элементарно. Считайте, избранное из курса методики воспитательной работы. Итак, стимул... хм-м...

Старлей оглянулся по сторонам. Что он может предложить Бандеровцу? Ничего не увидев и не придумав, он еще больше разозлился:

– Как только все сделаешь, сам перестанешь этим дерьмом дышать, понял?!

– Так точно!

На сей раз каблуки щелкнули достаточно громко. Удовлетворительно громко.

– И еще... Майор сказал, чтоб секретность была соблюдена. Мысль ясна?

– Яснее ясного.

– ЧТО?!

– Так точно!!

Это было утром. Значит, самое время проконтролировать выполнение поставленной задачи. Каково же было удивление Старлея, когда он увидел, что...

Вокруг ангара чинно, не нарушая порядка, без шума и гама, выстроились телеги, запряженные лошадами и маломощными тракторами, только и способными, что перевезти пару бидонов самогона да стожок конопляного сена. Телеги по одной, согласно строгой очередности, въезжали в ворота и через минуту, не больше, сдавали назад. Только уже не пустые, а груженные. Чем? Конечно, гнилым картофелем. Чем же еще?

Старлей прошел вокруг ангара, тыкая пальцем в подводы и шевеля губами. Насчитал пятьдесят две штуки. Пока он бродил, со стороны КПП прибыло еще три.

В освещенном проеме ворот показалась рослая фигура Бандеровца. Бандеровец пожал руку низенькому мужичку в латаной телогрейке. Мужичок запрыгнул в телегу, взялся за вожжи и ругнул старенькую прихрамывающую лошадку, которая слишком уж «расторопно» освобождала дорогу следующему транспорту.

Ворота закрывались автоматически, с пульта, но Старлей таки успел добежать и протиснуться в щель, прежде чем створки схлопнулись, чмокнув резиновыми уплотнителями.

– Чего это? – От такого вопиющего беспредела и с ума сойти недолго. Старлей уставился на телегу, застланную куском брезента. Двое парней, братья-близнецы, что на ней приехали, обидно не обращая внимания на офицера ВКС, схватились за лопаты, воткнутые в кучу картофеля, и проворно принялись черпать гнилье, сбрасывая (сливая?) на брезент. Работали парни споро, с явным удовольствием.

– Так ведь приказ! – выверился в ответ Бандеровец, содрал с лица противогаз. Рожа у него была красная и потная.

Под сводами ангара мерцали крупные лампы под жестяными абажурами.

Видя, что вояки собачатся, крестьяне удвоили старания. Копытное их вело себя на удивление смиренно, словно понимало своим скудным умишком, что побыстрее урвать отсель подковы жизненно необходимо, а посему мешать и буяннить не след.

– Какой еще приказ?!

– Убрать и дерьмом не дышать!

– И?.. – растерялся Старлей.

– Вот я и убираю, помогают мне. Добровольцы. Народная дружина. Потом произведу ароматизацию помещения. А пока не дышу. Противогазом пользуюсь!

Ворота раскрылись, выпустив близнецов с награбленными, точнее – выданными во временное пользование клубнями. Тут же в ангар вполз раздолбанный, фырчащий и чихающий черным дымом тракторишка неизвестной марки и загадочного окраса. При желании Старлей мог бы переступить через этот образчик тяжелого машиностроения. Вот только желания не было.

Как и не было желания спустить Бандеровцу все с рук.

– Так ведь сказано: соблюдать секретность. А какая у тебя тут секретность, если все местное мужичье в ангаре осмотрелось и боевого робота увидело?

– Будь спок, командир. Эта проблема вовсе не проблема. Все транспортные средства проходят через КПП, где отпечаток протектора каждого колеса фиксируется и протоколируется в журнале дежурств. Сколько подвод на территорию части въехало, столько расположение и покинет. Математика!

– А при чем тут секретность?

– Как при чем? Я на КПП парням вручил пачку бланков, чтоб все въезжающие ознакомились с нашими требованиями и расписались. Короче, мужики обещали не разглашать. Шо ж, они в армии не служили, закону не знают?

– И дежурные согласились на эту авантюру? – Старлей вдруг подумал, что он не прочь выпить холодненького пивка, а тут как раз и повод нарисовался.

– Дык, а чего им? С них взятки гладки, отличные ребята. Я сказал, что это вы распорядились, гражданин начальник. И майора предупредил, что скоро ангар освободится. Благодаря вашим стараниям.

Старлей аж позеленел. Он отчетливо представил себе, кого именно поменяют на пиво этим вечером. Точно не парней с КПП.

– Ты давай, да... грузи. Правильно придумал, верное решение. Угу. Утром на построении объявим благодарность. Обязательно. Угу. Тебе. Перед строем. Угу...

Старлей лихорадочно соображал, как ему дотянуть до утра, чтоб все это осуществить. Или хотя бы расстрелять подлого хохла в овраге за Периметром. Крупным калибром в затылок! И контрольный еще...

– Да вы не расстраивайтесь, товарищ старший лейтенант, это все не бесплатно, – зыркнув по сторонам, поведал Бандеровец. Обильные щеки его при этом надулись, толстые губы откатились, глаза выпучились сверх обычного. И даже обвислые усы встопорщились.

– Да? – Старлей хитро прищурился и громко прошептал Бандеровцу в ухо: – Чур, половина моя!

– А зачем вам столько освежителей воздуха? – С опаской отодвинулся представитель коренного населения Малороссии. – Мне за картошку мужики обещали освежителей подогнать. Ящик. С ароматом лаванды. Триста десять миллилитров. Не, если вы хотите, мне не жалко. Но ведь приказ: подготовить помещение для майора. Кабинет просторный получится. И стол поставить можно, и сейф, и в футбол сыграть. А чего? Тоже развлечение!

Старлей схватился за голову.

– Твою мать! – Цилиндр упал на плац и, подхваченный ветром, покатился вдоль разметки. – Все самому приходится делать. Что я вам, грузчик из овощного? Равняйся! Смирно! Смирению бойцов ВКС не было предела.

– Короче, техника, которая, бля, на грани фантастики, нас подвела. Поэтому мне придется лично сообщить вам то, что еще никто, даже я, не слышал. Это секретная информация. Считайте, прямой эфир. Короче! Война началась! С тушканчегами! С подлыми ушастыми тварями!

Старлей тихонечко хмыкнул. Пургу гонит майор, зарпортовался или пива перепил: утром троих на «Жигулевское» поменяли. Какая война? Да, тушканчегы – потенциальные противники, но ведь они же и носители передовых знаний, которыми бесплатно делятся с землянами!..

Внезапно Старлея осенило. Он вспомнил, как, на гражданке еще, стоял он возле автомата с газировкой и безуспешно пытался найти стакан. Потому как без граненого стекла жажду не утолить. Урони в щель три копейки, внутри стального короба что-то чихнет, задрожит – и в стакан польется холодная пузырящаяся вода с желтоватым сиропом.

Но кому в пятницу после 16.30 у проходной танкового завода придет в голову искать стакан в автомате «газ – вода»? Только идиоту. Ведь конец рабочей недели, и гастроном рядом, а в гастрономе – ликеро-водочный отдел. Продавщица Леночка, еще молодая, но уже с золотыми коронками, давно отпустила первую партию счастливиц. Зачем нужна одноразовая посуда, если есть общественные стаканы? Ты берешь один, чтоб разлить на троих, и, конечно, не возвращаешь. Ибо это свинство – стакан для сладкой газировки, пахнущий «Московской» и залапанный пальцами, жирными после куска варенки первого сорта. Но самое интересное, что назавтра стакан вновь в автомате, и ничем от него пахнет, и никакой дактилоскопии не определить, кто и что.

Короче говоря, стремительно заканчивалась пятница. Обнаружить на улице трезвого мужчину старше тридцати было так же реально, как в гастрономе среди выставленных пирамидой банок с морской капустой увидеть красную икру в крохотной жестянке под ключ. У продавщицы Леночки случился бы инфаркт, если бы такое произошло. Недоглядела! Так бы, бедолага, и стояла у кассового аппарата, моргая васильковыми глазенками и дожидаясь улыбчивых парней в белых халатах...

Так и Старлей за всеми своими присягами, учебками и чистками отливов проморгал важнейшее событие в истории планеты. Начало войны с инопланетной цивилизацией, во много раз превосходящей земную в техническом, моральном и материальном плане, это вам не хухры-мухры. Не могла, конечно, такая важная новость затесаться в пирамиду банок с морской капустой, но ведь факт налицо. Вот, полюбуйте! Майор сказал – в прямом эфире! – а майор подобными вещами шутить не станет.

– Готовы умереть за Родину?! – Командир в сердцах буцнул свой цилиндр. – Не слышу?!

– Так точно!!

Мерцание ламп, подвешенных у потолочных балок, действовало Старлею на нервы.

– Хорошо хоть, нашим людям отгружаешь, русским.

Бандеровец ничего не ответил, только огладил свои пушистые неуставные усы. Приказать, что ли, сбрить? Пока все считают Ваську адъютантом майора, да так оно, по сути, и есть.

К воинам просеменил худощавый мужичок в дутой куртке на голое тело и белых китайских кедах на босу ногу.

– Вой, какая бульбачка чудовная! Кольки ж яе! Можно, да? Усю-всю? Забраць? Дзякуй вам, добрыя людзи! Дзякуй вам, пане-дабрадзеи! Што б мы бяз вас рабілі?!

Мужичок пожал бойцам ВКС руки и утопал грузить свой камазовский прицеп.

Бандеровец смущенно крикнул.

Старлей нахмурился:

– Ну, в каждом правиле возможны исключения...

Из кабины «кировца» выпрыгнул совсем молодой мальчонка, подбежал к военным и защебетал, преданно глядя им в лица:

– Пане огульне, записаны нас од гледу! Я и моя родзына нигды не запомни твоей помощи! Можешь личыць на нас! Мое однешню до чебе, завше миле видзечь в гошычи.

Бандеровец уже совсем откровенно, не скрываясь, хохотнул.

К военным неспешно подошел лысый мужчина. Казалось, все сбритые с его головы волосы неведомый цирюльник, шутник еще тот, мастер из новомодных, так и нороящих перещеголять дамочек нарядами и косметикой, приклеил к подбородку клиента. Получилась густая кудрявая борода.

– Ассаламу алайкум! Суна хазахета вай довзина. Баркалла! – сказал человек и, не дожидаясь ответа, отбыл. Грудь его стягивали под сумки с магазинами. На плече болтался автомат Калашникова. Деревянный приклад был изуродован зарубками – весь.

– Не понял, – в край смутился Старлей. – Это что, черножопый был?

– Не знаю. – Бандеровец смотрел в потолок ангара и тихонечко насвистывал. – Я ему штаны не снимал, ягодицы не рассматривал. Но мужик вежливый, с пониманием. Баранов разводит, чачу отличную гонит. Патроны у меня иногда покупает. Рассчитывается чин чинарем. Больше чем надо дает. Так что цвет его жопы мне без разницы. Я интернационалист и ваших намеков не понимаю.

Интернационалист, значит? Ну-ну. Старлей оглянулся по сторонам и весьма удивился, заметив среди ходяков за картофелем пару очень смуглых тел в набедренных повязках и одного вождя сиу в пончо и с орлиными перьями в волосах.

Твою мечту! Ну и бардак! Старлей сплюнул под ноги и решил, что в первом же бою он выстрелит Бандеровцу в спину.

Путь только начнется война.

– Война началась, бабуины! – Майор бегал по казарме и орал. – Без подворотничка в бой идти?! Позор! Не позволю! Всем подшиться! Немедленно. – Майор прикусил губу и добавил: – Лично проконтролирую.

Бабуины, то есть рядовые и сержанты ВКС, прапорщики и командиры взводов, работали иголками с большущей неохотой, морщина лбы и ругая начальство почему зря. Ибо занятие сие жутко неблагодарное. Хрена тут накрахмаленную ткань штопать, коль шея немывта месяца полтора? Как в рукомойнике поутру извротишься, ополоснешь пальцы, пока товарищи твои матерят тебя и подгоняют, ибо им тоже надо, они – люди, а не питекантропы какие, им гигиена тоже важна, – вот и вся твоя помывка. И чем меньше для гигиены возможностей, тем для бойца она приоритетней. Сказать стыдно, на всю часть один рукомойник. Да и в том вода бывает раз в сутки, аж целый час течет. И к ручью не выбраться, майор охрану Периметра усилил, приказал стрелять без предупреждения.

Спустя минут сорок командир явился, как и обещал. Проконтролировал и очень удивился рвению, проявленному личным составом.

– Курить будете? – протянул он желтую пачку «Partagas», настоящих кубинских сигар.

Размели в секунду. Майор задумчиво посмотрел на пустую картонку, смял в кулаке и приказал срезать или содрать, кому как больше нравится, это «белое убожество». Немедля! Подразумевались, понятное дело, подворотнички.

– А то, гля, похожи на пионеров, на. Октябрюта, мать вашу, внучки Ильича.

И ушел, оставив воинов в недоумении курить. Какой бой? Какие внуки? И почему майор поделился табаком? Да еще таким ядреным? И самое главное, где он его взял? Ведь Кубу лет десять как накрыли ядерным ударом во время второго Карибского кризиса... Ой, хлопцы, что-то тут нечисто...

– А вдруг наш майор – сам черт? – сказал кто-то.

– Так ведь у черта рога? – робко подал голос Старлей.

– Спиллил.

– И копыта?

– А копыта в ботинках не видать!

– Эй, Старлей, ты с ним якши-бакши, уськи-пуськи. У него копыта есть? – Воинский коллектив плотно окружил Василия, намереваясь получить на свой вопрос положительный ответ. Так или иначе. Кулаки сжаты, глаза прищурены. Кое-кто взял табурет. Наверное, чтоб лучше слышать. Если хорошенько ударить респондента табуретом по черепу, слышимость сразу станет максимальной, факт.

Есть ли смысл перечить общественности? Василий хорошенько затыкнулся, подчеркнуто спокойно сбил пепел на пол и, выдохнув дым, сказал:

– Есть. Копыта есть. Еще и какие. Майор наш тот еще черт. Всем чертям черт. И вареники в сметану окунать умеет. – Василий скорчил такую рожу, будто копыта – ерунда, а вот вареники... – А я при нем вроде как посыльный и лучший друг. Мысль ясна?

Про мысль он спросил уже в пустоту. Ни табуретов, ни кулаков. Только белые подворотнички валяются. Старлей вздохнул, затоптал окурок и решил прогуляться, выяснить, как успехи у Бандеровца.

В ангаре было просторно, пахло лавандой. Майор, довольный собой, расхаживал по помещению. Иногда он подходил к надраенному, блестящему роботу и, повизгивая от удовольствия, пинал то палец размером с хорошенького кабанчика, то еще более габаритный коленный сустав.

– Молодцы! Хвалю за службу!

– Так точно!

– Рады стараться, вашвысблародье!

Майор кивнул, подпрыгнул на месте и в резком темпе сделал еще один кружок по ангару. Пока он марафонил, Старлей и Бандеровец вовсю друг дружку игнорировали. Мол, кто здесь? Кто таков, как зовут?

– Чего стоим?! – радостно взвизгнул майор. – Раздевайтесь и бегом в работа! Залазьте, да. Экипаж машины боевой!

– А вы? – робко поинтересовался Старлей, стягивая портки.

– И я! Роботом трое управляют. Один ногами и руками шевелит, в роговом отсеке заседа. Второй – вооружения готовит к бою, ему в груди место. А третий, командир, в жопе робота сидит и ничего не делает. На то он и командир, чтоб ничего не делать. Вот поживете с мое, парни, и вы в жопе окажетесь!

Успевший оголиться Бандеровец не к месту заржал. Толстое пузо его было покрыто рыжим волосом, над левым соском виднелась татуировка – три профиля, слегка наплывающих один на другой: Иван Франко, Симон Петлюра и еще какая-то мерзкая рожа, вся в оспинах и нарывах.

– Ну-ну. – Майор с неодобрением покосился на Бандеровца. – Будешь пулеметами заведовать. У тебя получится.

Громадный боевой робот шагал по территории воинской части. Асфальт проламывался под его тяжелыми ступнями. Вокруг кипело веселье. Бойцы ВКС закусывали sake тушенкой,

пустые токкури швыряя в бронированного андроида. Кое-кто вытянулся вслед роботу по стойке смирно и горланил гимн Земной Конфедерации. У многих на головах были повязаны хатимаки, испачканные кровью: об осколки токкури так легко порезаться спяну. Воины падали в небо из чего только можно. Невзначай попали в воздушный шар тушканчегов. Над лагерем расцвела вспышка взрыва. Начальство наказать не может, так чего б и не повеселиться?..

В отсеках робота отчетливо раздавался зубовой скрежет майора:

– Совсем распоясались, мля!

– Так точно! Радуются!

– Живут сами, а другие потом поживут!

Робот снес шлагбаум у КПП и вышел на оперативный простор. Старлей потел, как стадо лошадей Пржевальского на перегоне. И было от чего. Ему, голому, пришлось влезть в рубку управления ходовой частью и залечь в эргономичный, но жутко неудобный ложемент. Майор влез следом, осмотрел достопримечательности, поцокал языком и велел задрать ногу. Старлей подчинился. Майор вогнал ему под колено крохотный штепсель разъема. Потом – под второе. В локтевые сгибы. Три штуки – в позвоночник. В запястья. В голени и виски. В пах. В позвоночник. Короче говоря, везде. Нынче Старлей напоминает дикобраза, только вместо игл – прозрачные упругие провода. И во рту загубник. Полрожи закрывает маска дыхательного устройства, генерирующего воздушную смесь. На глазах очки. На голове шлем. И носки еще на ногах, почему-то резиновые. Небось со стороны Старлей забавно выглядит – голый, но в шлеме и носках. Только галстука и не хватает.

Майор «приодел» Василия и удалился, бубня, что господи, какой ужас. Отсек сразу задрался. Из-под потолка выдвинулись патрубки, из которых хлынул мерзко прохладный душ – это включилась подача геля управления, призванного усилить взаимодействие нервной системы водителя-оператора и ЦНС робота. В общем, утопили Ваську как котенка. Оставалось только посочувствовать Бандеровцу – в его случае подключение должно быть еще жестче.

И только майор будет сидеть в жопе – в джакузи, да попивать виски с содовой из барохлаодильника.

Почему будет? Уже сидит! Уже нахрюкался! Спрашивает по внутренней связи, есть ли у кого сто граммов до завтра занять? Или просто так налейте командиру, за спасибо, а командир вас не забудет. Он же не грузчик какой из овощного.

– Майор, куда путь держим? – Старлей сам испугался такой дерзкой формулировки. – Я извиняюсь, куда мне топать?

– К Стене! Куда ж еще... Будем Стену ломать и рушить. Доколь, братья, терпеть непотребство на нашей планете?!

К Стене, так к Стене. Хоть к черту на кулички, хоть за кудыкину гору воровать томатный соус. Если Родина прикажет, кто же Родине откажет?! Старлей напрягся, колосс отозвался на его движения, ноги-столбы зашевелились быстрее, руки-манипуляторы, чуть согнутые в локтях, перешли на автоматический режим поддержания равновесия. Периметр части позади. Меха бодро печатал шаг, ступни под весом махины проваливались в почву на полметра. Вот и овраг. Тот самый. Что делать? На линзах очков появилась строка сообщения. Красные буквы неторопливо скользили, казалось, по сетчатке глаза. «Задействовав голеностопные и бедренные гидроусилители, можно перепрыгнуть это естественное препятствие. Для того чтобы задействовать голеностопные и...» Василий дважды внимательно изучил предписание и сделал все, как было сказано.

Робот взвился в атмосферу. Майор заверещал. Бандеровец что-то буркнул про «нэ кажи гоп». Старлей же просто поймал кайф от недолгого ощущения полета. Ибо в следующее мгновение андроид рухнул в овраг, не добрав до края обидных метров десять. Робот грох-

нулся на спину, перекрыв своими телесами течение ручья. Старлей пребольно ударился пяткой. Он, конечно, пребольно ударился бы затылком, но при наличии специального шлема, напоминающего мотоциклетный, сие невозможно. Мигнуло и погасло освещение. Врубилось аварийное. Перед глазами возникло мерцающее красным сообщение: «Задействовать систему самоликвидации? Да? Нет? Отмена?»

«Мама!» – прошептал Старлей.

Предложение заняться суицидом подернулось рябью и исчезло.

– Чего лежим? Я спрашиваю, почему бездействуем?!

Старлей напряг мышцы пресса, робот согнулся, уперся ладонями в строительный мусор, из которого состояло дно оврага. Подъем. Активировать накопители гидроусилителей и – джамп! Андроида хорошенько потрянуло при посадке, но таки он оказался наверху.

«Наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка!» – едва не запел Старлей, переводя робота в режим бега. Лишь природная стеснительность не позволила ему испугать экипаж своим отсутствующим слухом.

Мега мчался по равнине, перепрыгивая через отдельно стоящие деревья, снося на своем пути постройки, переплывая широкие реки, узкие – перепрыгивая. И нет ему преград, ничем его не остановишь. В небе метались испуганные тушканчегии. Бандеровец хотел было пощупать их из «Проктера энд Маузера» или хотя бы разок жахнуть из «Киевстарбакса», но майор не позволил, мол, нам пока невыгодно провоцировать конфликт, пусть себе порхают, твари ушастые. Вдали замаячил силуэт Стены.

Есть у нее, у Стены, такая странная особенность. Утром встал – вот она, доплунуть можно. А к обеду и на попутке за час не доберешься. Мистика, да и только. Ученые, конечно, на симпозиумах быстро это свойство Стены опровергли как антинаучное, но бойцам ВКС от этого легче не стало.

– За час доберемся? – спросил голосом майора мотоциклетный шлем.

– А хрен его знает. Может, за два. А может, и за пару минут.

Робот пробежал еще полсотни метров – и Стена резко выросла в размерах, из тонкой, едва различимой прослойки на краю горизонта превратившись в массивное, пугающее нечто.

– Ну вот. А говорил, два часа.

– Э-э... – Старлей не придумал, что ответить, потому и ляпнул то, что привык: – Так точно!

– У меня галлюцинация, или у нас на пути действительно возникло непредвиденное препятствие?

Старлей протер линзы очков, но видение не исчезло.

Прямо по курсу было полно народу. Люди стояли, держась за руки. Выстроились в шеренги, подумал Старлей. Вроде и гражданские, а все равно армия в них присутствует. Никуда от нее не деться. Будь ты трижды непригодным к строевой, будь ты девочкой шести лет от роду, а все равно в тебе есть армия. Все мы, люди, стремимся организовать свое стадо, упорядочить, чтоб потом, придумав повод для конфликта, устроить битву за мир. Вот как те чурки в папахх прямо по курсу и российские парни от сохи, мужичье в малиновых шароварах и туземцы в набедренных повязках да с перьями, вплетенными в косы.

Люди стояли молча, дыша друг другу в затылки. Лучше бы они кричали, скандировали лозунги, проявляли больше активности. Чем больше человек кричит, тем меньше он делает. Молчание – плохой признак. Это значит, что попыток договориться не будет. Все решено. Или пан, или пропал.

Над живым заслоном, отделяющим боевого робота от Стены, возвышались плакаты и транспаранты: «Мир! Труд! Май!», «Руки прочь от Гондураса!» и «Свободу Анджеле Дэвис!»

В шлеме прозвучало:

– Объявляю общий сбор! Внимание! Всем собраться...

Они собрались в кают-компании. Бандеровец и Старлей были полностью облеплены проводами и выковыривали гель из ушей. Скатав персидский ковер, чтоб не испачкать, сели на пол. Майор, чистый, выбритый, в халате, развалился на кожаном диванчике.

– Господа, я собрал вас здесь, дабы обсудить наши дальнейшие действия.

Старлей заерзал. Это очень подозрительно, что майор играет в демократию, это совершенно не в его стиле.

– У нас проблема, господа. На нашем пути заслон. Живой заслон. И его надо преодолеть. Вопрос: как? Я предлагаю расстрелять уродов на хрен, чтоб неповадно было. Коллаборационисты чертовы! Смерть прихвостням тушканчегов!

– Стрелять по мирному населению не годится. И неэтично, и мировое сообщество осудит.

– А может, просто перепрыгнем их, а? Я могу! – проявил инициативу Василий. – Кстати, зачем они это делают? Почему?

– Ты что, нерусский, что ли? – Проигнорировав реплики Старлея, майор внимательно посмотрел на Бандеровца. – Ты мне соплю в ацетоне не разводи, да. Я сам тебе и мировое сообщество, и Объединенные Нации, и Конгресс США. Если понадобится, и Генштабом ВКС стану. Для тебя. Мысль ясна?

Бандеровец, подняв очки на лоб, взглянул на майора и угукнул. Но что-то было такое, чересчур особенное в его взгляде, что Старлея не на шутку пробрало, по хребту, истыканному штекерами, побежал холодок, а майор резко отвернулся и прикусил губу. Какая-то потаенная сила, уверенность, что никто и ничто не сможет ему, Бандеровцу, причинить вреда и помешать. Как ел он сало двадцать лет изо дня в день, закусывая цибулей, так и дальше жрать будет, хоть какой майор над ним стой, хоть как вырывай изо рта свинину.

– Ну, если экипаж против... – майор закинул ногу на ногу, – то стрелять не будем. Затопчем, да и все. Надеюсь, разбежаться мало кто успеет. Вопросы есть? Вопросов нет. Совещание закончено, прошу разойтись по рабочим местам.

– Вперед! За Родину! За Сталина! – рывкнули динамики шлема, и Старлей дернулся, напрягая икры.

За Сталина воевать категорически не хотелось. За Родину – так-сяк. Хотелось вернуться без потерь в расположение, закрыться с Бандеровцем на опустевшем после разграбления складе, зажечь самодельную лампаду и сообразить преф с болваном. Так уж и быть, Старлей не будет стрелять Бандеровцу в спину, ибо тот, в сущности, неплохой мужик, хоть и гад изрядный.

Стальная стопа, суставчатые пальцы с титановыми ногтями, пятка, вся в шипах-мозолях, – Старлей пошел в народ. Ему показалось, что что-то чвякнуло. Услышать он ничего не мог по определению, ибо заранее отключил наружные микрофоны. Вторая нога – туда же. Левый ряд внешних видеокамер забрызгало кровью. На шарнир стопы намотались чьи-то кишки. Интересно, по кишкам можно установить, кому они принадлежали – мальчику или бабушке преклонных лет, блондинке или туземцу в набедренной повязке?

Старлей брел через толпу, сея смерть.

Странно, но люди не разбежались. Они словно лишились страха. Они стояли на пути боевого робота и смотрели. Просто смотрели. Те, кто остался позади, кого миновала участь быть раздавленными, бежали за андроидом. Неужто хотели, чтоб Василий остановился и помог им избавиться от невыносимой легкости бытия? Он так и сделал, притормозил – взвыли компрессоры, прокачивая по толстеным нейлоновым трубам жидкость, сцепились

диски. Людишки оббежали мощные ноги Василия-робота и выстроились впереди, уплотнив заслон. Это невероятно, но конечности робота Старлей воспринимал как собственные. Барахлила механика правого коленного соединения – слово ныл сустав на изменение погоды.

Последним прибежал чеченец с автоматом Калашникова на плече и длинным свертком в руке. Он втиснул свои широкие плечи в строй, развернул сверток – и над заслоном гордо вскинулся окровавленный плакат: «Make love, not war!» Ох уж эти кавказцы, только об одном и думают.

– Чего, Василий, встал? Дави их! Дави сволочей!!

Старлей засуетился, проявляя решимость исполнить приказ незамедлительно. Пора доложить начальству, что в результате проявленной активности уничтожено три десятка мирных жителей.

– Бей своих, чтоб чужие боялись! – вибрировали динамики.

Старлей бил.

Майор орал.

Бандеровец молчал.

А потом...

...потом меха на полном ходу, высоко поднимая стопы и резко опуская их (пальцы растопырены – для увеличения поражающей площади), вляпался в какую-то дрянь. Сделал шаг, второй, третий – прилагая огромные усилия, на пределе мощностей. Нечто хлюпнуло (хотя Старлей, конечно, этого не слышал), обхватило и сжало. Взвыли гидронасосы, бесильные как-либо помочь. Датчики показали, что температура масла в сочленениях критическая. Если продолжать попытки выкарабкаться, механизмы заклинит. Твою мечту! Ведь только что под ногами робота были податливые людские тела, а вдруг – нет никого, зато есть какая-то черная, с коричневыми вкраплениями жижа, в которую можно вступить, но из которой тяжело выбраться...

Отставить панику! Подумаешь! Андроид япошки строили, а уж им-то насчет качества доверять можно. Узкоглазые небось и не такие шалости и катаклизмы предусмотрели. Решим проблему, не впервой. Надо разобраться, что и куда, – и вперед.

– Чего там? – тихонько спросил майор.

– Да нормально все, застряли чуток, сейчас вылезем...

Как назло, робот категорически отказывался извлечь из грязи нижние конечности, которые засосало уже по колени.

Старлей врубил подсказку, по стеклу очков побежали буквы. Слишком быстро. Пришлось отрегулировать скорость подачи текста. Операционная система робота, поприветствовав юзера, поинтересовалась, за каким хеком ее вообще активировали? Василий, тщательно проговаривая слова, изложил суть проблемы. Система подумала минуты полторы и предложила выяснить состав вещества, столь серьезно ограничившего двигательные способности меха. Старлей почесал провода на затылке и решил, что логично, надо было самому догадаться. Сбор информации – это всегда хорошо. Васька хоть отчитается перед начальством, что сделал все возможное.

Он растопырил фаланги манипуляторов над жижей. Ногти больших пальцев отщелкнулись и упали в черно-коричневую муть, покрывающую почву, если верить сонару, на площади в четверть гектара, глубина в отдельных местах достигает пяти метров. Похоже, раньше здесь была естественная впадина. Спустя минуту на ладони был подан ток, в результате чего образовалось сильное электромагнитное поле – ногти с образцами жижи, громко хлюпнув, вернулись в свои пазы. Секунд через пять система выдала расшифровку анализа и предложения по дальнейшим действиям: «Образцы являются картофелем сорта “брянский деликатес” в конечной стадии гниения. Дальнейшее функционирование боевого робота не представляется возможным. Задействовать систему самоликвидации? Да? Нет? Отмена?»

– Ну? Что там? Почему стоим? Так все враги... то есть мирные жители... РАЗБЕГУТСЯ!!

Старлей хотел ответить, что они сюда явились вовсе не для того, чтобы топтать гражданских. Они намеревались атаковать Стену, разрушить ее. Или хотя бы попытаться это сделать. Он хотел сказать, что майор малость заигрался и что он, Василий Витальевич Старлеев по прозвищу Старлей, не намерен более потакать командирским прихотям, позорящим звание офицера Земной Конфедерации. Устав уставом, дисциплина дисциплиной, но ведь и человеком иногда быть нужно. Нечасто, очень редко, хотя бы по праздникам – в Новый год или на Восьмое марта, но все-таки...

Однако вместо этого, честного и выстрадавшего, Старлей сказал:

– Так точно. Разбегутся.

– Ну и? Ваши действия, товарищ старший лейтенант?

– Не могу знать, товарищ майор. Посредством проникновения жидких составляющих гнилого картофеля в электронику и механику ходовой части робота последние, включая гусеничные приводы, выведены из строя, прочие узлы боевой машины полностью функциональны, стрелять мы можем и можем воспользоваться факсом и биотуалетом, – на одном дыхании выдал Старлей. И добавил: – Интересно, откуда у местных столько гнилого картофеля, а? Ведь это они все устроили, да? Организовали ловушку?

Майор ничего ему не ответил, зато почему-то расхохотался Бандеровец. Василий даже хотел на него цыкнуть, мол, не время для подобных эмоций. Да и не место. Да и повод мало подходящий. Но не успел. Ибо от долгого сидения в неудобном ложементе у него разболелся позвоночник. Все тело Старлея пронзила резкая, жгучая боль. Он дернулся, выгнулся дугой, десяток-другой штекеров с громкими щелчками выскочили из разъемов.

Робот накренился...

...и рухнул спиной в жижу.

Толпу мирных жителей окатило волной брызг. На мгновение все застыли. А потом, словно по команде бросив плакаты, здоровые принялись оказывать первую помощь раненым, живые – укладывать трупы в телеги, запряженные лошадками и тракторами, что дожидались развязки в сторонке.

Через полчаса в пределах прямой видимости не осталось ни одного гражданского лица. Но Старлея это мало беспокоило, у него чесалось все тело. Сначала он сдерживался, а потом принялся с наслаждением, подвивая, скрести живот и ноги, подмышки и лицо. Хорошо хоть, боль в хребте отпустила. Но прежде чем отдаться порыву, Старлей снял с головы мотоциклетный шлем и зашвырнул его в угол отсека, откуда тот периодически и похрюкивал противным голосом майора.

Вечерело. Трое сидели на броне – двое голых, в коростах засохшего геля, один в халате. И одетого, и ню атаквали комары. Слава богу, это были обычные земные насекомые, а не какие-нибудь коомаары.

Трое молчали, ибо, не сговариваясь, решили погодить с поисками виноватого. Как известно, козел отпущения – это не должность, это призвание. А других тем для разговора у них не было.

– Ну и вонь! Я сейчас сдохну от этой вони! – не выдержал одетый.

Вокруг на десятки метров раскинулось двухцветное болото. Не пройти, не проехать. Выбраться вплавь или пешком? Чистое самоубийство, гарантированное.

– Не надо, товарищ майор! Как мы без вас?! Кто ж тогда ответит за гибель мирных жителей?!

– Есть предложение, – подал голос Бандеровец, звонко размазав по лбу очередного кровопийцу. – Может, воспользуемся вашей долей? А, товарищ старший лейтенант? Так сказать, из личного сделаем общественное?

– Чего? – не понял шутки Василий.

– Дык, как велели, я ж оставил чуток, не пол-ящика, конечно, но... – Бандеровец вытащил из лючка, что служил для быстрого доступа к кофеварке, небольшой сиреневый баллон и нажал на распылитель. Брызнула ничуть не измельченная струя, запахло лавандой. – Все ж ароматней. Верно я говорю?

– И много у тебя такого добра? – спросил майор. Предварительно он зажал ноздри, и потому прозвучало это так: «Имноха у тебя такоха дыбра?»

– Дождаться помощи хватит, – пообещал Бандеровец. На миг Старлею показалось, что татуированные профили ему подмигнули. – Наши скоро будут. Я связался с парнями по рации. Передал сигнал SOS. Они обиделись, решили, что я предлагаю им заняться оральным сексом. Короче, обещали подъехать и накостылять. Так что готовьтесь.

Вечерело. Звенели комары. До приезда бойцов из энской части делать было нечего. И потому трое воинов Земли просто сидели на груди боевого робота, завязшего в зловонном болоте, и поминутно пшикали из баллончиков. Ожидая спасательную команду, так легко и приятно мечтать о том, что когда-нибудь очень скоро наступит день расплаты, они жестоко отомстят тушканчегам за провал благородной, но верной миссии. Ибо кто как не тушканчегги во всем виноваты? Все беды от пришельцев, чтоб их!

В губах Василия сама собой оказалась сигара, неизвестно где доселе спрятанная. Увидав ее, майор сначала удивился, а потом, учуяв запах даже сквозь картофельную вонь, брезгливо поморщился. Старлей пожал плечами и закурил. Он сидел на горячей, раскаленной от лучей заходящего солнца лобовой броне и пускал в небо сизые кольца. Краем уха он слушал, как ругается его наставник и командир. Мол, ничего, Васенька, это разминка была, никто и не надеялся, что получится. Мы с тобой, Васенька, горы свернем. Мы – о-го-го! Да, Васенька, первый бой проигран. Но не битва!

Старлей улыбался и кивал.

Бой, горы или еще что – без разницы. Ему не нужна была эта война. То есть вообще. Он просто хотел любви. По возможности чистой, но и прочие варианты под пивко прокатят. Да, это вопиющее нарушение устава – мечтать о духовной близости и животной страсти, о поцелуйчиках и потной спине, о запахе сбежавшего молока и закаканных пеленок.

Хотя можно и без запаха.

Он сидел на броне и...

...слишком много хотел?

AGNUS DEI (Образ Вечной Женственности в произведениях классиков)

*Так бельмо на глазу старикашки – верный залог,
что сквозь очи его смотрит Бог.*

М. Э. Белецкий, из ненаписанного

Допустим, было так. Ее звали Агнессой, и любимым цветом ее был серый – серая туника, серая стола, серый камень фонтана. Лишь глаза ее были черны, как итальянская ночь, черны, как волосы ее сестер, черны, как упругие пружинки волосков вокруг ее сосков и в паху. Муж ее был из старых армейских, когда-то молодец, всадник и герой, потом интересовался политикой, говорил горячо и долго в сенате, но сейчас не те времена. Сейчас муж сидел в саду, больше молчал, строгал фигурки из сухих веточек. За спиной его рыжел выющийся по стене дома виноград.

Допустим, соседка, говорливая и благоволящая садовнику, сказала ей однажды: «Агнесса, полно уже скучать. Ну что ты, в самом деле, все одна и одна? Пойдем со мной нынче вечером, я познакомлю тебя с интересными людьми. Они сейчас очень в моде». Агнесса вздохнула, она предпочитала тишину своего дома и сада и одиночество с молчаливым мужем, но отказать соседке было неловко.

Интересные люди встречались почему-то в катакомбах, куда неудобно было спускаться и где чад от скучившихся тел и факелов ощутимо резал глаза. Бородатый человек с рыбой изъяснялся невнятной скороговоркой, будто набрал в рот песка. Агнесса мало чего поняла кроме того, что ей хочется домой и что шататься ночью по катакомбам дочери Верния не пристало. Она уже совсем собралась уходить и обернулась к соседке с ее садовником-рабом – тот держал факел за спиной своей госпожи, – когда серые глаза блеснули ей из-за обнаженного плеча раба. Нет, не блеснули – просияли, как пыльное зеркало, если его протереть ветошкой. Девушку с серыми глазами могли звать Ливией, Либией или Гвиневрой, у нее были льняные волосы и робкая улыбка той, что не привыкла к вежливому обхождению. Она была собственностью Марка Луция, но это не имело никакого значения, как ничего ни до, ни после этой встречи. То, что расцвело между ними, как поздний цветок на пороге зимы – не мягкой итальянской зимы, а иной, взрывающей льдом древесные стволы на родине сероглазой, – было смертным грехом или не темой для салонных разговоров, смотря по тому, обретался ли ты в городе наверху или в катакомбах. Все не имело значения, пока на господина императора не снизошел очередной приступ ипохондрии. Господин император лечился от ипохондрии публичными казнями, что было огорчительно, ибо однажды в дверь дома Марка Луция постучали. Агнесса нашла сероглазую три дня спустя, в узких и зарешеченных кавернах под Большим Цирком. Серые глаза впали, и пеплум извлялся в грязи, но улыбка осталась все той же.

Агнесса, супруга уважаемого в Городе полководца, еще из тех, старых, железных, гонявших пиратов и германцев, – нынешние годились разве на то, чтобы распивать вино и ошиваться по приемным, – Агнесса вздохнула и призналась в принадлежности к людям Рыбы. Старик муж встал со своей скамеечки, отложил нож, которым он вырезал фигурки из дерева, и отправился во дворец, но там его и слушать не стали. Императорские львы остались довольны.

Кир: Все это очень романтично, ваше преосвященство, but you should know your history better. Вторую девчонку звали Мэри; что же касается дочки патриция, то ее протащили

голой по улицам, а потом отрубили голову. И было ей всего тринадцать лет. В царствие Диоклетиана...

Джентльмен: В царствие Диоклетиана, неразумное чадо, люди любили и умирали так же, как и во все остальные царствия. Слушай дальше.

Или все случилось иначе. Допустим, ее звали Гнесей и она жила в небольшом домике на окраине деревни. Родители ее умерли оттого, что деревня отстроилась на краю болота, – земли господина были худы, несмотря на гордый родовой герб со львом. Родители легли в эту худую, сырую землю, сначала отец, а затем и мать, их унес мокрый кашель. Гнеся с малых лет пряла овечью шерсть, и пальцы ее стали грубы, покраснели глаза, губы потрескались, ведь нить надо было смачивать слюной. Веретено плясало день и ночь в покосившейся хижине. На самой кромке болота, за рядом тощих лиственниц, обитала деревенская ведьма. Глаза ее были серы, как жиденькое небо над деревней, и по ночам она летала на метле и пила овечье молоко прямо из мягких, навозом пахнущих сосцов. Когда руки Гнеси потрескались и потекли кровью, она отправилась к ведьме за целебной мазью. Ведьма оказалась вовсе не такой уж страшной, она была не старше Гнеси, у нее были русые волосы и робкая улыбка той, что не привыкла к вежливому обхождению. И правда, какая вежливость с ведьмой? Ведьма смазала больные руки Гнеси чем-то вязким, пахнущим полынью и горелым жиром. Они сидели у очага и пили яблочный сидр, и ведьма рассказывала про свою прабабку – вот та и впрямь была ведьмой и могла вызвать грозу, зубную боль и самого дьявола из преисподней. Гнеся верила и боялась верить, и смотрела на отблеск красного пламени в волосах хозяйки.

Зима была долгой. Стволы лиственниц лопались от разрывающего их льда, но для Гнеси эта зима была самой теплой из всех ее зим. Когда в деревню вошел летучий отряд матери нашей святой инквизиции, Гнеся была дома. Она пряла шерсть. Услышав крики, она выглянула в окно и увидела, как соседки швыряют грязным снегом в ведьму. Ведьму тащил на веревке здоровенный солдат. Гнеся отложила пряжу, вышла из дома и призналась человеку в черной сутане в том, что она умеет вызывать грозу, зубную боль и самого дьявола из преисподней. Человек в черном пожал плечами. Это была самая легкая из полученных им конфессий, а на его счету числилось их немало. Пламя костра было жарче пламени в камине сероглазой ведьмы, жарче, но не теплей.

Джентльмен: Тут все дело в их происхождении. Если проводить аналогию, ангелов можно сравнить с первым детским лепетом Безымянного. Ну а люди – это уже вполне взрослая, определившаяся речь. Слова взрослого отлиты в четкие рамки, хотя изнутри могут быть очень и очень обманчивы. А вот с первенцами Неназываемого все наоборот: суть их проста и ясна – так гуканье младенца, какое-нибудь «ня-ня», определенно означает «пить» или «хочу на горшок». Следует заметить, что в случае Эйн-Шем, конечно, дело не в самом горшке, а в том, что первичную пустоту сосуда необходимо было чем-то заполнить – иначе канешь, словно пресловутая лягушка. Если же у тебя нет ни дерева, ни камня, ни песка, единственное, чем можно было мостить эту жутковатую бесконечность, – слова, и только слова. Он и мостил словами. Бросал слова под ноги судорожно, как тонущий в грязи швыряет заплечный мешок или каравай хлеба и наступает на него, и все-таки тонет... Однако мы отвлеклись. Запомни одно: ангелы, незамысловатые изнутри, снаружи до обидного изменчивы, потому как хрен его разберет – сегодня это «гага», завтра «баба», а значит, все тот же «горшок».

Кир: Мне нравятся ваши метафоры, Учитель Мудрости, особенно нарочито фрейдистская фиксация на горшках. Горшок – это выразительно. Это, я бы даже сказал, концептуально. И все-таки, если ангелы и вправду так изменчивы, зачем вы непрерывно повторяете одну и ту же затасканную историйку с лесбийскими мотивами?

Джентльмен: Не я сказал, Кирка, а кое-кто услышал. И вообще, чем тебе не нравится моя интерпретация? Ты-то кем бы хотел ее увидеть?

Кир: Да кем угодно. Сестренкой горского князя. Резиновой женщиной. Беспородной шавкой, до конца преданной своему хозяину. Игрушкой...

Джентльмен: Жестко. Я бы даже сказал, жестоко. А жестокость в этом лучшем из миров всегда возвращается к своему источнику, Кир, так что поумерь прыть. К тому же открою тебе большой секрет: кем бы ни казался ангел, суть его остается все той же, и надо лишь припечатать ее метким человеческим словом. Скажешь «ангел» или хоть «малах» – и встанет он перед тобой, как на духу. Крылья. Нимб. Меч. И прочие атрибуты. Ну так вот, возвращаясь к истории об Аврааме, Исааке и ягненке...

Кир: Но, мой генерал, вы же не думаете всерьез, что у ангела было время искать каких-то там ягнят? Представим эту сцену: обезумевший от горя старик заносит нож над сыном, пацан рыдает, лезвие дрожит над его обнаженной грудью без единого волоска... а ангел между тем носится по холмам в погоне за разбегающимися овцами. Ей-богу, смешно. Не логичней ли предположить, что ангел столкнул мальчика с алтаря в последний момент, да и сам ненароком угодил под нож?

Джентльмен: Ты, Кир, опять богохульствуешь?

Кир: Я не богохульствую, Отец Мертвых. Я рассуждаю. Кроме того, если уж возиться с крылатыми, мне было бы приятней думать, что как раз с таким ангелом мы и имеем дело.

Перенесемся на несколько столетий вперед. Гордый и старый город над излучиной реки, город, несущий на штандарте восставшего льва; путаница мощенных булыжником улиц; остатки древней крепостной стены; пробивающийся между серых камней росток клена дрожит на ветру. В кирпичном здании гимназии дребезжит звонок на перемену. Заметим, сначала я рисую широкую панораму, затем план поближе, затем – вспышка, стоп-кадр. Две гимназисточки выбегают из здания, на них белые передники, они держатся за руки. Имя черноглазой – Гнешка, сероглазую зовут Миррой, Миркой. Девочки смеются и отделяются от толпы одноклассниц. Они вырвались из пыльного, мелом пропахшего класса, из скучной дормитории, стены которой выкрашены желтой масляной краской. Они бегут к мосту. В этот день ранней осени река под мостом еще не того свинцового цвета, что будет позже, – нет, она играет на солнце. К перилам прилип желтый кленовый лист. Железо влажно от недавнего дождя. Сероглазая Мирра взбирается на перила и со смехом смотрит в реку. Гнешка смотрит только на свою подругу. Потом вместе они карабкаются на крепостную стену. Устраиваются в укромном месте, в тени выщербленного зубца, неподалеку от пугливого ростка. Гнешка берет руки Мирры в свои ладони. Мирра смотрит вдаль, в глазах ее отражаются солнечные блики, и черепичные крыши, и каменные львы старого города, и Ремесленная площадь, и поля за городом в ровной шерстке стерни, и дорога, и всё. Мирра улыбается. Она вообще часто улыбается. Она смеется, и шепчет смешные и страшные сказки в темноте дормитории, и щекочется под одеялом, и зажимает Гнешкин рот, когда в коридоре раздаются строгие шаги комендантши. Комендантша не любит сказок. Сказкам она предпочитает молодых красивых офицеров в новых мундирах, которые танцуют в парке. Трубы оркестра сияют ярче начищенных офицерских сапог. Когда в город войдут войска в серой униформе, вкатятся на брыластых танках и пыльных «фордах», эти молодые, красивые не продержатся и дня.

Конечно, Гнешка спрячет подругу на родительском чердаке, ведь серые расстреляют всю семью Мирры на четвертый день после своего победоносного марш-броска. Конечно, найдется сосед-доброжелатель, который подглядит или подслушает, как Гнешка каждую ночь взбегает на чердак с узелком еды. Конечно, серые придут за Миррой, и с ней уйдет и Гнешка. Мы уже знаем эту историю наизусть. В камере усталый ксендз пригнется к лицу Гнешки и скажет огорченно: «Хоть бы ты путалась с католичкой, дочь моя». До лагеря Гнешка не доживет. Ей повезет – она умрет в тюрьме, за два дня до пересылки, от воспаления легких. В камере она нацарапает на стене...

Джентльмен: Я мог бы продолжать бесконечно.

Кир: Не стоит, Осквернитель Источника. Основное я уже уловил. Но разве это не подтверждает моей гипотезы?

Джентльмен: Ни в коей мере, малыш. Видишь ли, ангелы по сути своей чужды иной любви, кроме любви к Создателю. Кроме того, если бы ты прислушался внимательно к моей истории, то понял бы, что никто никого не спас.

Каждой планете положен свой Ангел Смерти. Он приходит в черный последний день. Ангела этой планеты звали Анжелой. У Автора Сценария явно были нелады с воображением. У Анжелы бледное детское личико, фигура тринадцатилетнего андрогина и огромные белые крылья, которые волочатся за ней по земле. Казалось бы, к перьям должен прилипнуть уличный сор, однако крылья остаются снежно-белыми. Глаза у Анжелы того цвета, который был единственным во Вселенной до появления первых звезд.

– Момент, когда убивают Меркуцию... – Кир сидел на куче старых полосатых матрасов. Матрасы были свалены на сцене студенческого театра и, как и все остальное, успели покрыться тонкой пленкой пыли. Кир беседовал с актерами. – Он может показаться вам неважным. Совсем незначительным по сравнению с первой встречей на балу или, скажем, сценой на балконе. Однако это – ключ ко всей истории. Возьмем, к примеру, Великую Войну. Убийство эрцгерцога – какая малость по сравнению со всем тем ядовитым котлом, в котором варилась тогдашняя Европа. Однако есть причина и есть зачин, есть пружина, отвечающая силам упругости и давления... – Тут для пушей наглядности Кир выдрал из матраса пружину и сжал ее двумя руками. – Есть, говорю, потенциальная энергия, жаждущая превратиться в кинетическую, в энергию разрушения, и есть спуск, толчок, высвобождающий эту энергию. – Кир отпустил левую ладонь. С визгливым звоном пружина погналась за рукой Кира и ужалила его в мизинец. Кир заругался. На подушечке пальца выступила капля крови. Кровь, понятно, была голубой. Кир сунул уязвленный мизинец в рот.

– Браво.

Кир обернулся на редкие и негромкие хлопки. Хотя хлопающие ладошки были миниатюрны, от каждого хлопка к балкону второго яруса поднималось облачко пыли.

– Еще лучше эта речь подействовала бы, если бы вы обращались к живым актерам, а не к марионеткам.

Кир вынул палец изо рта и улыбнулся:

– Что поделать. Театр теней – и то роскошь по нынешним временам.

Он встал с матраса и прошелся по сцене, взбивая кудрявые пылевые облачка. Доски скрипели, как скрипит береза без скворечника.

– Место, в общем, для меня ностальгическое. Вот здесь, на полдороге между сценой и гримеркой, я в первый раз встретил Ирку. Она волокла декорации. А я вызвался ей помочь. Это ужасные декорации, сказала она. И вправду, декорации оказались ужасны. Что поделать, я вечный аматер, прибавила она. Какой из меня художественный директор. Примерно такой же, как из меня режиссер, ответил я, и после этого мы подружились. Она была на первом курсе филфака, а я заканчивал медицинский. По четвертому, кажется, разу.

Ангела спустилась по ступенькам к сцене маленького театра.

– Вы хотели меня видеть, Кир? Зачем?

Кир склонил голову к плечу и оценивающе оглядел ангела.

– Продайте секрет.

– Какой секрет?

– Как ваши крылья остаются такими незапятнанными? Я посидел тут пять минут и извалялся в грязище, как свинья.

– Кир, у меня не так уж много времени. Вы хотели поговорить со мной? Говорите.

– Что, расписание поджигает? Полномочный посол локустов уже весь извертелся от нетерпения – так ему не терпится вгрызться в плоть матушки Земли?

Анжела улыбнулась. Лучше бы ты не улыбалась, подумал Кир. От такой улыбки сверхновая схлопнется и станет черной дырой.

– Ну какая вам Земля матушка? Вы здесь в лучшем случае непрощенный гость, который, как известно, хуже кабардино-балкарца. Вас терпели. Вам не мешали. А теперь настало время погостить где-нибудь еще.

– А вам ее ни чуточки не жалко?

Анжела развернула крылья. Театр наполнился их игрой – так играют пылинки в луче света, упавшем из-под церковного купола.

– Я знаю о вашей теории, Кир, – сказала Анжела голосом холодным, спокойным и звонким. – И она не лишена занимательности. Но вам не хватает фактов. Неназываемый действительно отправил ангела к Аврааму, когда тот занес нож над собственным сыном. Направил, да, но не затем, чтобы спасти Исаака. А чтобы проследить за исполнением. – Анжела вновь сложила крылья и сделала шаг назад, вверх по ступеням. – Жаль вас разочаровывать, но мне пора.

– Я позвал вас не за этим.

Ангел обернулся.

Кир нес в руке старую керосиновую лампу. Свет плясал по стенам подвала. Шаги ангела за спиной Кира были бесшумны.

– Это здание довольно старое. Построено еще до Великой Войны. Лет сорок назад его задумали было объявить памятником архитектуры, но потом пронюхали, что тут было, и Министерство культуры быстренько открестилось. Отдали университету. Сначала медики хотели устроить тут анатомический театр, но вентиляция никуда, проводка слабая. Да и аудитория, как вы видели, невелика. Ломаницкий, великий был человек, отбил студентам под драмкружок. Сверху гримерки, костюмерные, звукостудия, а внизу подсобные помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.